

18+

КОД ДРЕВНЕЙ КРОВИ:

Автор Этерия

Когда
просыпается
Драко^н

Этерия

**Код древней крови Когда
просыпается дракон**

«Издательские решения»

Этерия

Код древней крови Когда просыпается дракон / Этерия —
«Издательские решения»,

Трансильвания, 18 век. Корнэл находит у водопада таинственный браслет в виде дракона и становится заложником снов о незнакомой девушке. Путь к разгадке ведет его в дом спэтар Влэдеску, к лесным разбойникам и проклятью ведьмы. «Код древней крови. Когда просыпается дракон» — любовно-приключенческая история, где сны, любовь, кровь и честь сплетаются в один узел.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Боярское поместье	9
Глава 2. Лагерь в тени гор	14
Глава 3. Водопад на пути в Валчешти	20
Глава 4. Валчешти на перепутье	24
Глава 5. Потерянный браслет	28
Глава 6. Девушка из сна	33
Глава 7. Добыча и пустота	38
Глава 8. Возвращение домой	43
Глава 9. Зов водопада	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Код древней крови Когда просыпается дракон

Этерия

Дизайнер обложки Ксения Сергеевна Мамцева

Корректор Ксения Сергеевна Мамцева

© Этерия, 2026

© Ксения Сергеевна Мамцева, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-6614-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Горная река, как живая серебряная лента, извивалась меж вековых скал. Там, где хребет, увенчанный снежными шапками, касался небес, ещё таились островки прошлогоднего снега, но внизу уже царило лето. Теплый ветер ласково шевелил изумрудную траву, солнечные зайчики порхали в прозрачной воде, и в каждом трепещущем зелёном листке звенела сама жизнь.

Лес, густой и плотный, но не угнетающий своей мрачностью, обступал это дивное место живой стеной. Величественные ели, тёмные, как строгие свечи, тянулись к небесам, а между ними робкими бликами света, мелькали светлые стволы берёз и буков. На опушке, в колыхании трав, переплетались резные стебли папоротника, а над благоухающими цветами вился рой пчёл. В кронах деревьев, как хрустальные колокольчики, перекликались птицы. Их звонкие трели порой тонули в глухом рокоте воды, но тут же вновь всплывали, точно лёгкий, беззаботный смех.

Там, где скала обрывалась отвесным уступом, вода, сорвавшись вниз, превращалась в быющее, белоснежное сердце реки. В лучах солнца струи казались сотнями тончайших стеклянных нитей, а в тумане водяной пыли рождалась крошечная радуга, то появляясь, то тая, подобно дыханию волшебной сказки. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву, золотыми полосами ложились на гладь воды, а затем, вспыхивая на гребне волны, казались россыпью горячих монет, брошенных щедрой рукой.

Виорика любила это место больше всего на свете.

Она стояла по колено в воде, чьи холодные языки, как живые, тянулись к её загорелым ногам. Её лицо, открытое и полное жизни, с тонкими, чуть упрямыми губами и чётко очерченным подбородком, было обращено к солнцу. Высокие скулы, прямой нос и лёгкий золотистый загар придавали ей вид дикого лесного создания, свободного, как ветер.

Глаза Виорики были тёмными — глубокими, точно тень под корнями старого дерева, но сейчас они сияли чистой, неподдельной радостью. С густых, тёмно-каштановых волос, спадающих ниже лопаток, стекали капли воды. Некоторые, казалось затаившись, задерживались на кончиках прядей, другие же, скользя по плечам и ключицам, рисовали на её коже прозрачные, мерцающие дорожки.

Белая нижняя рубашка, ставшая прозрачной в струях воды, облегла её тело. Но девушка не испытывала смущения, здесь, в этом уединённом уголке, она была одна, и лес видел её каждый день. Под тонкой тканью угадывались очертания крепких плеч, узкой талии и гибких бёдер. В её фигуре не было салонной хрупкости, лишь живая, естественная сила, присущая самой природе.

Девушка шагнула вперёд, и холодный поток обрушился на неё с высоты. Вода ударила по макушке, сбив дыхание, заставив выдохнуть и тут же вдохнуть полный рот освежающих брызг. Виорика рассмеялась, зажмурилась, подставляя потоку лицо и грудь, раскинула руки, будто бы стремясь обнять сам водопад.

На её смуглой коже правого запястья тугим кольцом сидел браслет. Тёмное, почти чёрное серебро, на первый взгляд казавшееся простым металлом, при ближайшем рассмотрении раскрывало свою тайну: маленький дракон, свернувшийся в кольцо, обвивал руку своим чешуйчатым телом. Голова его была приподнята, глаза выточены с такой искусностью, что в полутьме казались живыми, а в месте, где тело смыкалось, сиял сердолик, гладкий камень с красно-коричневой глубиной и тонкими, похожими на замершие нити, прожилками.

Когда струи водопада били по браслету, казалось, что дракон на мгновение оживает. Свет солнца преломлялся в сердолике, в его глубине вспыхивал мягкий огонёк, и можно было поклясться, что чешуя едва заметно шевелилась.

Виорика чувствовала, как металл сначала холодит кожу, а затем становится тёплым, живым. Для неё это было так же естественно, как дыхание. Сколько она себя помнила, браслет был с ней — тонкий, когда она была маленькой, и всё более широкий, когда росла. Казалось, он знал её рост и её судьбу, и подстраивался под них.

Она подняла руку, щурясь от солнечных бликов, и смотрела, как капли воды стекают по серебру, задерживаясь на сердолике, чисто крошечные бриллианты.

Лес вокруг шелестел листвой, нашептывая древние тайны. В ветвях перекликнулись птицы, одна вспорхнула с ближайшей ветки и кругом облетела водопад, словно приветствуя его. Солнце на миг вышло из-за облака полностью, и вода вспыхнула таким ослепительным светом, что Виорике пришлось прикрыть глаза, ощущая, как тепло разливается по всему телу.

Она разжала пальцы, позволила потоку ещё раз ударить в грудь, ощущая его силу и свежесть, повернулась, отступая из-под падающей воды. Лёгкий ветер донёс до неё тонкий аромат прогретого камня, смолы и молодой травы, смешанный с запахом самой реки, запахом свободы и дикой, необузданной красоты. В этом месте, среди шума воды и пения птиц, Виорика чувствовала себя по-настоящему живой, частью этого вечного, первозданного мира.

Девушка, как дикая нимфа, выбралась на нагретый солнцем камень у самой кромки реки. Вода, ещё недавно ласкавшая её тело, теперь стекала с неё серебристыми ручьями, собираясь в крошечные озёра у её босых ступней. С лёгким вздохом она стянула через голову мокрую рубашку, бросив её на камень. В этот миг она была свободна, как сама река, что несла свои воды вдаль. Солнечные зайчики, будто бы золотые мотыльки, порхали по её плечам и животу, а тёмные, прилипшие к спине волосы, подчеркивали каждое её движение, точно живые тени.

На тёплом камне лежали её вещи: сухая рубаха, жилет, штаны и пояс.

Чуть поодаль, у самой границы леса, нетерпеливо переступала с ноги на ногу её верная спутница, воронья кобыла, чья шкура была черна, как безлунная ночь, лишь маленькая белая звёздочка на лбу мерцала, словно далёкий маяк. В лучах солнца на её гладкой шее вспыхивал таинственный синеватый отлив.

Виорика звала её Умбра — Тень. Имя это было не случайным: за такой лошадью не услышишь ни шороха, ни стука копыт, пока она сама не решит явить себя. Сейчас Умбра лениво щипала сочную траву, изредка мотая головой, подбрасывая чёрную, как смола, гриву, и, казалось, внимала шуму воды с той же чуткостью, что и её хозяйка.

Виорика потянулась за рубахой, и в этот самый миг над лесом, где-то очень далеко, раздался звук, чуждый этой безмятежной картине — резкий, пронзительный.

Выстрел.

Девушка замерла, будто статуя, рубаха осталась в полуоткрытых пальцах. Птицы, ещё мгновение назад наполнявшие лес трелями, мгновенно смолкли. Лес, казалось, затаил дыхание, прислушиваясь вместе с ней. Эхо подхватило хлопок и унесло его к далёким горам, но через несколько минут последовал второй, третий.

Теперь сомнений не было. Что-то нарушило покой этого мира.

Как порыв ветра, Виорика рывком натянула сухую рубаху на ещё влажное тело, схватила штаны, сапоги. Когда девушка резко опёрлась ладонью о камень, чтобы привстать, браслет на её запястье качнулся, соскользнул с влажной кожи и, звякнув, ударился о каменный край. Сердолик, заключённый в нём, вспыхнул внутренним огнём, на краткий миг, словно красный глаз, и браслет, перевернувшись, скользнул в узкую щель между камнями. Там, где холодная вода уже давно проложила себе путь, пузырясь и пенясь, он застрял в тени, исчезнув из виду. Виорика из-за волнения и спешки, этого не заметила.

Новый выстрел прокатился над лесом, и сердце девушки ухнуло вниз, чисто камень. Она накинула жилет, затянула пояс, босыми ногами перескочила через камень к лошади. Ветер бил в лицо, принося с собой едва уловимый запах дыма, или ей казалось?

Через несколько мгновений она уже была в седле. Умбра, почувствовав её тревогу, сама рванулась вперёд, взбивая копытами мокрую землю, будто бы разделяя её волнение.

Водопад ревел, как и прежде, его мощь не угасла, солнце по-прежнему играло на водяных струях, и лес, казалось, вновь начинал петь свою умиротворяющую песнь. А в расщелине между камнями, теперь тихо лежал забытый браслет — тёмный круг, в котором ещё долго жила тёплая искра, последнее отражение смеха девушки под падающей водой. Потом и оно погасло, уступив место вечному течению реки. Река бежала дальше, унося с собой лишь отголоски тревоги, но не её причину.

Глава 1. Боярское поместье

Летнее утро над Валчешти только поднималось, но поместье Кондреану уже просыпалось. Ночь отступала в тень старых лип за садом, по мокрой от росы траве осторожно ступали первые лучи солнца, вытягивая из земли запах нагретой зелени, влажной земли и старого дерева. На востоке небо светлело, окрашиваясь в мягкие персиковые и золотистые тона; дымок от кухонной трубы поднимался ровным столбом, тонул в лёгком тумане над полями.

Дом боярина Николае Кондреану стоял на небольшом холме, так, чтобы видеть всё вокруг. Не дворец, но и не просто усадьба: широкий каменный фундамент, два этажа, светлая штукатурка стен с местами проступающим возрастом, высокая черепичная крыша. Перед фасадом, широкая деревянная терраса с резными перилами и несколькими колоннами, поддерживающими навес. К дому вела широкая каменная лестница с невысокими ступенями, по краям которой росли аккуратно подстриженные кусты роз и лаванды.

Двор тянулся вниз к амбарам, конюшням и хозяйственным постройкам: справа, длинное здание конюшен с раскрытыми дверями, откуда доносилось фырканье и перестук копыт; слева, амбары с зерном, сараи, кузница, где уже слышался звенящий удар молота по металлу. Между домом и хозяйственной частью располагался прямоугольный двор-площадка, по утрам полный движения. Там сейчас сновали слуги, подносили вёдра, проверяли повозки, вдалеке пара мальчишек гоняла кур, а старый пёс лениво лежал у бочки с водой, наблюдая за суетой одним прищуренным глазом.

Николае Кондреану, пятидесяти лет, шёл по двору размеренным шагом человека, чей каждый метр земли вокруг принадлежал ему не только по документам, но и по привычке думать о нём. Высокий, статный, он держался прямо, словно у него на плечах лежала невидимая мантия власти, и он привык к этому грузу. Тёмные волосы, перехваченные на затылке, уже заметно тронула седина у висков, что только добавляло его лицу благородной строгости. Вытянутое лицо с правильными чертами, прямым носом и твёрдым подбородком было отмечено морщинами — больше у переносицы и на лбу, от раздумий и решений, чем у губ. Светло-карие глаза смотрели внимательно и немного холодно, но во взгляде мелькали мягкие искры, когда он переводил его на сына.

На Николае был тёмно-синий суконный камзол хорошего кроя, подчёркивающий прямые плечи и стройную фигуру мужчины, не забывшего, что такое седло и сабля. Белая льняная рубаша выглядывала у воротника и на манжетах, украшенная тонкой вышивкой. Пояс из тёмной кожи с серебряной пряжкой держал нож в аккуратных ножнах; высокие сапоги были чисты, но по складкам на голени было видно, что в них ходят, а не только позируют перед зеркалом.

Рядом с ним шагал Корнэл, чуть позади, но так, чтобы легко смотреть отцу в лицо. Ему было двадцать лет, выше отца на полголовы, ещё без благородной сединой оправы, но уже с тем же внутренним стержнем. Чёрные волосы, чуть волнистые, доходили до середины уха; он зачёсывал их назад. Лицо: правильное, с высокими скулами и чётким подбородком, в уголках губ привычная сдержанная улыбка. Глаза светло-серые, внимательные, живые. В них ещё не было усталости старших, но уже поселилась привычка думать о завтрашнем дне.

Одет Корнэл был чуть проще, чем отец: светлый льняной кафтан, подпоясанный кожаным ремнём, хорошая рубаша, штаны, заправленные в высокие сапоги. На поясе висел нож в простых, но добротных ножнах; рука время от времени привычно касалась рукояти, не как угрозы, а как части себя.

Чуть позади них, держа небольшой планшет из плотной кожи и заткнутое за ухо перо, шёл управляющий. Его звали Ион Тэодореску, но в доме чаще всего, просто Ион. Мужчина лет сорока с небольшим, среднего роста, сухощавый, с аккуратно подстриженной бородкой и внимательными тёмными глазами. Волосы тёмные, уже с первыми нитями седины, зачёсаны назад.

На нём был коричневый жилет поверх простой, но чистой рубахи, тёмные штаны и крепкие сапоги. Весь его вид выдавал человека, который привык держать в голове и в записях всё по-настоящему: от количества мешков зерна до того, кто из работников, где работает.

— Эти поля уже почти готовы к жатве, — сказал Николае, кивая на тянущиеся в сторону холмов полосы пшеницы и ржи. — Если погода не подведёт, через пару недель начнём.

— Люди уже ждут, господин, — ответил Ион, слегка склонив голову. — Я переговорил с мужчинами из соседней деревни, на время жатвы они готовы прислать ещё шестерых.

— Запиши, — коротко кивнул Николае. — И проверь, чтобы им заплатили вовремя. Я не люблю, когда мне потом жалобы шепчут на ярмарке.

Ион быстро провёл пером по бумаге.

Корнэл слушал, чуть улыбаясь. Он знал этот тон отца: сухой, деловой, но в каждой фразе чувствовалась привычка заботы о земле, людях, и собственном имени.

— Ты говорил, отец, что в Валчешти нужны мои руки, а не только подпись, — мягко напомнил он, когда они миновали край огородов и свернули к конюшням.

— Нужны и руки, и голова, — отозвался Николае. — Я могу отправить управляющего, но, если ты хочешь однажды управлять всем этим, — он слегка повёл рукой, охватывая поместье и поля, — тебе нужно не только ездить верхом, но и считать.

Они подходили к конюшням. Из широких дверей доносился глухой стук копыт, фыркание, запах сена, кожи и лошадиного пота. У ворот конюшни стоял конюший: широкоплечий мужчина с густыми усами, держа в руках уздечку, и кивал хозяину.

— В конюшнях всё в порядке, господин Николае, — сказал Ион, заглядывая внутрь. — Но крыша над дальним стойлом просела. Нужны новые балки.

— Найди две добротные сосны, — быстрым взглядом окинул здание Николае. — Скажи Григору, пусть завтра с людьми поднимет крышу. Не хочу, чтобы осенью здесь текла вода.

— Да, господин, — Ион тут же записал и это.

Корнэл остановился на мгновение, проводя ладонью по шее одного из жеребцов, который потянулся из стойла, узнавая его. Лошадь фыркнула, ткнулась мягкой губой ему в плечо.

— Отец, что именно я должен сделать в Валчешти? — спросил он, не отводя взгляда от тёмных глаз животного.

Николае чуть замедлил шаг и повернулся к сыну.

— Во-первых, отвезёшь бумаги к нотариусу Драгу. Он должен заверить контракт с купцом из Клужа по поводу вина. Во-вторых, проверишь счета по последней поставке зерна в городские амбары. Мне не нравится, что цифры в письмах отличаются от тех, что прислал наш сборщик.

Он говорил спокойно, но в голосе прозвучала сталь.

— И в-третьих, — продолжил Николае, — присмотришься к людям. К тому, что говорят в корчме, что шепчут на рынке. Слишком много слухов о разбойниках и о том, что некоторые предпочитают платить им, а не нам.

Корнэл кивнул.

— Понял.

— Не просто понял, а запомнил, — сухо, но без резкости сказал Николае. — Ты поедешь не как праздный сын боярина, а как тот, кто однажды сядет на моё место.

— Я постараюсь быть достойным, — ответил Корнэл, взглянув отцу прямо в глаза.

От конюшен они повернули обратно к дому, мимо амбаров. У приоткрытой двери одного из них стояли двое работников, перешёптываясь, но при виде хозяина тут же распрямились.

— Ион, — бросил Николае через плечо, — после обеда проверишь запасы в этом амбаре. Муку, соль, зерно. Мне нужен точный счёт, сколько уйдёт к осени и что будем докупать.

— Слушаюсь, господин, — управляющий снова записал.

По двору мягко, но торопливо застучали лёгкие шаги. Из боковой двери дома выскочила женщина в тёмно-синем платье с белым передником — главная служанка. Её звали Ана Марика. Среднего роста, с круглым, живым лицом, румяными щеками и тёмными, внимательными глазами, она двигалась быстро, но без суеты, как человек, который знает, где его место и что от него ждут. Тёмные волосы были спрятаны под чистым чепцом, руки: сильные и ухоженные.

— Господин Николае, господин Корнэл, — она присела в лёгком реверансе, переводя дыхание. — Боярыня просит вас к столу. Завтрак подан на террасе.

Николае кивнул.

— Спасибо, Ана. Скажи, что мы уже идём.

Она снова присела и быстро вернулась в дом.

Они поднялись по ступеням к террасе. Деревянные перила были украшены резьбой: виноградной лозы, листьев, цветов; между столбами открывался вид на двор, поля и дальние леса. На террасе стоял широкий стол, накрытый чистой белой скатертью.

На столе уже ждал завтрак: глиняные миски с густой кукурузной мамалыгой, круглый домашний хлеб с хрустящей корочкой, сыр — белый мягкий и жёлтый, более плотный, тарелка с ломтиками копчёной ветчины, миска со свежими огурцами и помидорами. В кувшине блеснул холодный морс, рядом стоял глиняный чайник с травяным чаем. На блюде переливались в утреннем свете мёд и варенье из слив.

За столом, на тёплом утреннем солнце, сидела Каталина Кондреану.

Она подняла голову, когда мужчины вышли на террасу. Каталина была ещё молода, чуть за сорок, но в её красоте уже было нечто зрелое, устоявшееся. Овальное лицо, мягкие, женственные черты, тёплые ореховые глаза, в уголках которых залегли лёгкие морщинки от улыбок. Волосы тёмно-каштановые, собраны в аккуратный пучок на затылке, несколько завитков выбились у висков, смягчая черты.

На ней было светлое платье цвета топлёного молока с вышивкой по лифу и низу рукавов, поверх тонкий жилет глубокого зелёного цвета, подчёркивающий талию. На шее простая, но изящная цепочка с небольшим крестиком, в ушах маленькие серьги с камешками. Вся она была воплощением спокойного домашнего достоинства, не вычурной роскоши, а уверенной красоты хозяйки дома.

— Доброе утро, — улыбнулась она, и в этой улыбке было тепло, от которого становилось легче в груди. — Я уже начала думать, что поля важнее, чем завтрак.

— Иногда, да, — сухо заметил Николае, но в голосе звучала мягкая нотка. Он подошёл, взял её руку и легко коснулся губами. — Но сегодня, нет.

Корнэл шагнул ближе, обнял мать за плечи и поцеловал её в щёку.

— Доброе утро, мама.

— Доброе, сын, — она на миг сжала его руку. — Ты опять встал раньше солнца?

— Солнце просто опоздало, — ответил он, усаживаясь на своё место.

Слуги мягко, почти незаметно двинулись вокруг: одна девушка подала хлеб, другая наполнила чаши травяным чаем. Ана стояла чуть в стороне, следя, чтобы ни в чём не было задержки.

Завтрак проходил спокойно и уютно. Николае рассказывал о состоянии полей и о том, что ждать от погоды, Каталина о посылке от сестры из Брашова и о том, что нужно заказать к зиме ткань и мыло. Корнэл слушал, иногда добавлял пару слов, больше глядя на родителей, чем на еду.

— Сегодня ты всё-таки уедешь? — спросила Каталина, когда тарелки опустели, а чаши были ополовинены.

— Да, — кивнул Корнэл. — После завтрака соберусь. Отец поручил мне повидать нотариуса Драгу и проверить счета по зерну.

— И прислушаться к языкам в корчме, — добавил Николае, ломая хлеб. — Слышал, что люди стали слишком смелы в разговорах о разбойниках.

Каталина бросила на мужа быстрый взгляд.

— Осторожнее, сын, — тихо сказала она. — Дороги нынче не так спокойны, как раньше.

— У меня будет хороший конь и не худший нож, — улыбнулся Корнэл, стараясь её успокоить. — Да и голова пока на плечах.

— Пусть так и останется, — проворчал Николае, но глаза его смягчились.

Когда завтрак подошёл к концу, слуги стали убирать со стола. Ана принесла на подносе кожаные перчатки и светлую дорожную накидку для Корнэла.

— Всё готово, господин, — тихо сказала она. — Седло проверено, сумки закреплены.

Они спустились во двор.

У начала ступеней уже ждал конь: высокий гнедой жеребец с чёрной гривой и хвостом. На крепкой шее играли мышцы, в тёмных глазах светился разумный огонь. Лёгкая дорожная сбруя блестела на солнце, седло было надёжно затянуто. Жеребец фыркнул и ударил копытом по камню, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

— Хороший выбор, — похвалил Николае конюшего. — Корнэл, этот тебе не даст задремать в дороге.

— Зато успею раньше всех, — усмехнулся сын.

Он взял поводья, погладил коня по шее, шепнул ему что-то на ухо. Жеребец успокоился, мягко потянулся к его ладони.

Каталина подошла ближе, поправила ворот его кафтана, словно он был мальчишкой, а не взрослым мужчиной.

— Береги себя, — тихо сказала она.

— Вернусь скорее, чем вы успеете соскучиться, — ответил он и снова поцеловал её в щёку.

Николае протянул ему руку. Пожатие было крепким, коротким, мужским.

— Помни, зачем едешь, — сказал он.

— Помню, — кивнул Корнэл.

Он легко вскочил в седло. Конь под ним привычно присел, принял вес. Корнэл ещё раз оглянулся на дом, на родителей, стоящих на ступенях, и слегка тронул коня пятками.

Жеребец двинулся, сначала шагом, потом рысью, а у ворот поместья перешёл на лёгкий галоп. Пыль, поднятая копытами, мягко легла на дорогу.

Глава 2. Лагерь в тени гор

Лес раздвигался перед Умброй, как живая стена. Вороная кобыла летела галопом, чувствуя тревогу хозяйки. Ветки хлестали по бокам, шуршали по сапогам, но Виорика не обращала внимания. Она пригибалась к шее лошади, позволяя ветру вырывать из неё остатки холода от водопада.

Белая рубашка под тёмным жилетом всё ещё местами была влажной, тонкая ткань прилипала к спине. Волосы, не успевшие высохнуть, растрепались и сбились в пряди, липли к щекам и шее. Она перехватила их в спешке кожаным шнурком кое-как, лишь бы не мешали. Штаны, надетые на влажную кожу, неприятно тёрли, сапоги были сыры, но сейчас это не имело значения.

Главное звук выстрелов.

Сердце билось чаще, чем копыта Умбры. Виорика вслушивалась в лес, пытаясь уловить хоть какой-то новый звук: крик, лай собак, звон железа. Но кроме тяжёлого дыхания лошади и шепота ветра в кронах, вокруг царила привычная лесная жизнь.

С каждой минутой тревога и собственное воображение рисовали страшные картины.

Дорога, по которой они мчались, была едва заметной тропой, известной только тем, кто здесь родился или долго жил. Опавшая хвоя глушила стук копыт, корни выпирали из земли, но Умбра уверенно выбирала путь, не спотыкаясь. Справа вдали, сквозь деревья, иногда мелькали серые зубцы гор, слева плотная зелень спускалась вниз, к невидимому сейчас ущелью.

Спустя какое-то время, когда лес стал гуще, а земля под копытами — каменистой, Виорика потянула повод.

— Тише, девочка... — выдохнула она. — Дальше пешком.

Умбра послушно сбавила ход, перешла на рысь, потом на шаг, а у старого поваленного ствола остановилась. Виорика соскочила на землю мягко, по привычке. Лес встретил её влажной прохладой и запахом хвои, сырой земли и камня.

Перед ними начиналась та самая тропа, по которой верхом не пройдёшь: узкая, местами почти невидимая, то круто поднималась вверх, то уходила в сторону вдоль каменной стены. С одной стороны склон, заросший кустами и молодыми соснами, с другой обрыв, скрытый под колючим кустарником.

Она взяла Умбру под уздцы.

— Ну, пошли, Тень, — тихо сказала Виорика.

Кобыла фыркнула, мотнула головой, но послушно пошла следом. Приходилось ставить ноги осторожно: камни под слоем мха могли поехать, корни подставляли подножку. Виорика шла первой, иногда придерживая лошадь, иногда поглаживая по шее, чтобы та не нервничала.

Лес вокруг был другим, чем у водопада. Здесь было больше тени, меньше прямого света. Высокие стволы стояли тесно, где-то над головой кричала невидимая птица, справа треснули сухие ветки, белка или заяц, спасавшийся от незваных гостей. Вдалеке едва слышно шуршала вода, маленький ручей, рождающийся в горах, напоминал, что лагерь близко.

Откуда-то слева раздался короткий резкий посвист. Виорика ответила своим, слегка изменив интонацию. Впереди треснула ветка, и из-за ели показался мужчина в тёмной куртке с арбалетом за спиной.

— Ну, наконец-то, — выдохнул он, улыбаясь одним уголком губ. — А то Драгош уже бурчит, что ты опять пропала.

Это был Гаврил, один из старших людей Драгоша: высокий, сухой, с тёмной кожей, проседью в коротких волосах и внимательным взглядом серых глаз.

— Гаврил, — Виорика быстро шагнула вперёд. — Всё спокойно? Я слышала выстрелы. Он нахмурился, прислушался к лесу, потом махнул рукой:

— Спокойно. Охотники, скорей всего. С утра кто-то гнался за оленем. Тут звук так гуляет, будто у нас под носом стреляют.

Напряжение в её плечах отпустило, но не до конца.

— Точно? — она всмотрелась ему в лицо.

— Точно, девочка, — мягче сказал он. — У нас все спокойно. Тропы чисты, дозорные на местах. Иди в лагерь, тебя ждут.

Тропа свернула за скалу, и лес вдруг разошёлся, открывая небольшую чашу у подножия горы. Здесь было светлее. С одной стороны нависала серая каменная стена, покрытая пятнами мха, с другой вилась ленточка ручья: мелкого, прозрачного, шуршащего по камням. Вода бежала быстрой змейкой, рождаясь выше, в расщелинах.

Среди деревьев и каменных неровностей прятались хижины. С первого взгляда их трудно было заметить: низкие, сложенные из толстых брёвен, прислонённые к скале спинами. Крыши были покрыты дерном и травой и казались частью холма. Лишь приглядевшись, можно было увидеть тёмные дверные проёмы и крошечные окна.

Когда-то, здесь жило всего с два десятка мужчин. Тогда их называли просто разбойниками. Но люди, которым стало некуда идти: разорённые крестьяне, ремесленники, с которых содрали последнюю монету, услышав о «лесных людях» и их предводителе, приходили кто один, кто-то целой семьей; кто-то добирался через пол княжества, уцепившись за слух, что в горах есть место, где не спрашивают, из какого ты рода, а спрашивают только, что ты умеешь и готов ли жить по общим правилам.

Так лагерь рос. И превратился в маленькое лесное поселение, где уживались и бывшие солдаты, и пастухи, и бежавшие ремесленники, и женщины, у которых больше не было дома.

В центре площадки горел большой, но аккуратный костёр. Над ним на треноге висел котёл; запах густой похлёбки тянулся по всему лагерю. Вокруг кто-то чинил оружие, кто-то точил ножи, кто-то плёл силки и чинил сбрую.

Люди были разные, каждый со своей историей.

Недалеко от костра сидел Лука: широкоплечий, с рыжей бородой, заплетённой в две короткие косички. Вечно с полу ухмылкой, сейчас он сосредоточенно латал порванный ремень.

Чуть поодаль стоял темноволосый Марин с тонкими чертами лица. Он перебирал стрелы, внимательно проверяя каждую. Его тёмные глаза были настороженными, как у человека, который привык сначала слушать и смотреть, а потом говорить.

Чуть поодаль пожилой Димитру, с густыми почти полностью седыми волосами и короткой бородкой, рассказывал, что-то двум молодым парням. По их лицам было ясно: очередную историю о том, как «раньше всё было иначе».

Ближе к ручью три женщины стирали бельё и полоскали в воде одежду. Высокая статная Мария, с туго заплетённой тёмной косой, перекинутой через плечо, двигалась размеренно и уверенно. Лицо у неё было умным и строгим, но стоило подбежать ребёнку, черты мягко светлели. Рядом невысокая круглолицая Илина с тёплыми карими глазами что-то живо рассказывала, размахивая мокрой рубахой. Третья, совсем молодая, почти девчонка Катя с русыми волосами и веснушками на носу слушала их, иногда смущённо вскидывая взгляд.

По лагерю с визгом носились дети, пятеро: двое мальчишек и три девчонки разных лет. Один махал палкой, воображая меч, другая тащила старую шляпу, будто трофей.

— Виорика! — первой её заметила маленькая Леа, черноглазая девочка лет восьми с двумя торчащими косицами.

Она сорвалась с места, помчалась навстречу и обняла Виорику за талию так, что та едва устояла.

— Вернулась! — Леа подняла голову, сияя. — Мы думали, ты опять у своего водопада до темноты застрянешь!

— А ты что, считала, сколько меня нет? — усмехнулась Виорика, глядя девочку по голове. — Я только искупаться...

— И застрять, — вставил Лука, поднимаясь и вытирая руки о штаны. — С таким водопадом, как там, не грех и день провести.

— Лука, не ворчи, — Илина подняла голову от белья. — Ей тоже отдых нужен.

— Отдых, это когда знаешь, что вокруг тихо, — буркнул он, но в голосе было больше тепла, чем недовольства.

К Умбре подбежал один из мальчишек: худой, носатый Петр. Он осторожно протянул руку к её морде.

— Привет, красавица, — шепнул он. — Быстро скакали, устала?

Умбра фыркнула, ткнувшись ему в ладонь.

— Всё спокойно? — спросила Виорика, переводя взгляд с лица на лицо. — Я слышала выстрелы.

— Охотники, — подтвердил Марин, подходя ближе и засовывая стрелы в колчан. — С севера. Утром тоже слышали.

Она слегка выдохнула.

— Значит, я зря рванула, как сумасшедшая.

— Не зря, — раздался позади знакомый низкий голос. — Зря, это когда сидишь и делаешь вид, что ничего не слышал. А ты хотя бы проверила.

Виорика обернулась.

Из тени одной из хижин вышел Драгош Стан.

Крупный, крепкий, как старый дуб, переживший не один шторм. На широких плечах тёмный кафтан, перехваченный ремнём; на груди следы старых латок, на рукавах замшевые заплаты. Движения неторопливые, точные, так ходят люди, привыкшие к строю и выучке. Когда-то он командовал ротой солдат и знал цену приказу и дисциплине.

Волосы до плеч, тёмные, щедро поседевшие у висков, были перехвачены сзади кожаным шнурком. Лицо с сильными скулами и чуть сгорбленным носом пересекал неглубокий шрам, тянувшийся к виску. Светлые глаза, прищуренные от привычки смотреть вдаль, отмечали каждую мелочь в лагере.

Когда-то у него был другой мундир и другие приказы. В тот день, когда ему велели расстрелять невиновных, тех самых, кого он должен был защищать, он снял мундир, отдал саблю и ушёл. Не один. С ним ушли те, кто верил не только в устав, но и в совесть. Так начался их лесной лагерь.

Теперь здесь действовали его законы, не чужие.

Не убивать без нужды.

Не трогать ремесленников и бедняков.

Брать только с тех, кто нажился на чужой крови.

Не бросать своих.

За это его уважали. И звали не просто предводителем разбойников, а старшим лесных людей, а за глаза «Воевода».

Он остановился в нескольких шагах от Виорики, упёр руки в бока, оглядывая её с головы до ног.

— Ты снова уехала одна, — сказал он негромко.

В его голосе не было злости, но тень недовольства звучала ясно.

— Я недалеко, — ответила она, прямо выдерживая его взгляд. — До водопада и обратно. Ты сам говорил, что тропа чистая.

— Когда тропа чистая, — кивнул он. — Но ты услышала выстрелы и полетела, как стрела, не подумав, что впереди может быть отряд с мушкетами.

Дети, чуя возможную грозу, по одному начали разбегаться: кто к ручью, кто к хижинам, кто к своим «секретным» схронам. Остальные деликатно сделали вид, что заняты своим делом, хотя каждый краем уха прислушивался.

Драгош тяжело вздохнул, шагнул ближе и положил ладонь ей на плечо. Рука была тяжёлой, тёплой, как и всегда, когда он таким жестом ставил точку в споре.

— Я понимаю, — сказал он, голос стал мягче. — Но если с тобой что-то случится...

Он не договорил. Взгляд его на миг потемнел, как у человека, уже хоронившего своих.

— Не повторяй ошибок тех, кто решил, что с ними ничего не случится, — добавил он. — В лесу нельзя быть одной, даже если ты знаешь каждую тропу.

Виорика молча кивнула.

— Ладно, — сменил он тон, убирая руку. — Умбру к стойлу, дай ей овса. Потом поешь сама. Мария уже налила похлёбку.

— Хорошо, — согласилась она.

Леа снова подскочила, дёрнув Виорику за рубаху.

— А потом поиграешь с нами? Мы сегодня разбойников ловим!

— Разбойников ловят стражники, — вмешался Лука, криво улыбаясь. — А мы, честные лесные люди.

— Тогда я буду стражником, — объявила девочка и, звонко рассмеявшись, умчалась к остальным.

Умбру отвели к навесу, где уже стояло несколько лошадей. Виорика погладила кобылу по морде, пообещала принести овса и направилась к своей хижине.

Их с Драгошем жилище стояло чуть в стороне, ближе к скале, у естественного выступа. Снаружи оно было таким же, как другие: низкие брёвна, крыша, заросшая травой, у дверей пучки сушёных трав и подвешенная фигурка из веточек, старый оберег.

Внутри было сухо и аккуратно.

Сразу от входа небольшой стол из грубых досок, лавка, пара табуретов. На стенах висели оружие и снаряжение: ножи, арбалет, колчан, два плаща. В углу у двери широкое ложе Драгоша: тюфяк на дощатом настиле, сверху старое, но чистое шерстяное покрывало.

Чуть дальше, отделённый плотной тканевой занавеской, скрывался угол Виорики. За ней узкая кровать под ярким лоскутным одеялом, рядом деревянный сундук с её вещами. Над кроватью полочка с мелочами: глиняный кувшин, высушенные травы, гладкий речной камень, несколько маленьких фигурок, подаренных женщинами из лагеря.

Виорика задвинула занавеску, стаскивая влажную рубаху. Движения были быстрыми, привычными. Она потянулась к сундуку за сухой и замерла.

Запястье.

Левая рука была пуста.

Она уставилась на неё так, будто от взгляда браслет мог появиться.

— Нет... — прошептала она.

Сердце ухнуло вниз второй раз за день.

Виорика резко откинула крышку сундука, стала рыться в рубахах, ремнях, мешочке с монетами, ножах. Браслета не было. Она вернулась взглядом к столу, к полке, всюду, где он мог бы лежать, если бы она сняла его дома.

Пусто.

— Невозможно... — прошептала она, и слово прозвучало слишком громко.

— Что ты там мечтаешь, как медведь в берлоге? — донёсся голос вошедшего Драгоша.

Она резко вышла из-за занавески.

— Я потеряла его, — коротко сказала Виорика.

Драгош приподнял бровь.

— Кого — «его»?

Девушка подняла руку, показывая пустое запястье.

— Браслет.

На миг на лице Драгоша мелькнула тень, которую можно было заметить только тому, кто знал его много лет.

— Где ты могла оставить его? — спокойно спросил он, но в голос чуть дрогнул.

— Он был на мне, когда я шла к водопаду, — заговорила она быстро. — Я купалась, потом выстрелы... Я хватала вещи, тянулась за рубахой...

Перед глазами вспыхнула каменная кромка, рука, соскальзывающая по мокрому камню, быстрый металлический звук, красный отблеск, где-то в глубине.

— Он соскочил, — прошептала она. Там, у воды. Я не заметила.

Паника поднялась к горлу. Браслет был с ней всю жизнь. Как охранник, как часть кожи.

— Я поеду назад, — выпалила Виорика. — Сейчас. Пока не стемнело. Я знаю тропу, быстро доберусь.

Она уже шагнула к двери, но Драгош поднял руку.

— Стой.

— Я должна найти его, — резко обернулась она. — Ты сам говорил, что его нельзя терять.

— Я говорил, что его надо беречь, что это твой талисман, — жёстко ответил он. — Но не говорил, что ради него ты будешь мчаться в темноту одна.

— Солнце ещё высоко, — упрямо возразила она. — Я успею.

— Ты успеешь добраться до водопада, — спокойно сказал Драгош. — А вот успеешь ли вернуться, не уверен.

Он подошёл ближе, взгляд стал тяжелее.

— Лес ты знаешь. И я знаю, — продолжил Драгош. — Но ночью у него свои хозяева. Ты сегодня уже раз мчалась сломя голову на выстрелы. Я не позволю тебе второй раз играть с судьбой.

Виорика молчала, глядя прямо на него. Внутри всё спорило: страх за браслет, давний, как память, и понимание, что он прав.

— Завтра утром, — сказал он мягче. — Как только рассвет заглянет в чашу, поедешь. Не одна. Возьмёшь Гаврила или Марина. Днём ищи сколько нужно.

— А если кто-то... — она сглотнула. — Если его уже нашли?

— Кто там его найдёт? — отрезал Драгош. — Место глухое, мало кто о нём знает. Он тебя дождётся. А если нет... значит, так решили те, кто сильнее нас.

Он снова положил ладонь ей на плечо, крепко, уверенно.

— Мы вернём его, девочка, — сказал он. — Но не ценой твоей жизни.

Виорика опустила голову и выдохнула.

— Ладно. Утром.

— Вот так, — коротко кивнул Драгош. — А сейчас, еда. В лагере много дел, и нужна твоя помощь.

Драгош вышел из хижины, давая понять Виорике, что разговор окончен.

За стеной слышались голоса, смех, шорохи, лагерь жил своей обычной жизнью: женщины стирали, дети бегали, мужчины точили клинки. Никто из них ещё не знал, что там, у холодного водопада, в тёмной щели между камней лежит маленький серебряный дракон с сердоликом, который уже начал менять их судьбу.

Глава 3. Водопад на пути в Валчешти

Дорога тянулась змейкой между холмами, то поднимаясь, то спускаясь, то ныряя в тень леса, то вновь выходя на открытые места. Лето уже вошло в силу: солнце стояло высоко, нагревало землю, и воздух над пыльной дорогой дрожал лёгкой золотистой дымкой.

Корнэл ехал не торопясь. Его гнедой жеребец шёл ровной, уверенной рысью, не сбиваясь с дыхания. В тени деревьев по бокам дороги прохлада держалась чуть дольше, но стоило тропе выйти к полянке, как жар сразу ложился на плечи и спину, заставляя под жилетом течь тонкие струйки пота.

Справа, вдаль, мерцали светлые пятна полей. Слева лес стоял плотной стеной, чуть темнее: дубы, буки, ели вперемешку. В кронах перекликались птицы; иногда над дорогой тенью скользил ястреб. В нос бил запах нагретой пыли, сухой травы, лошадиного пота и какой-то особой, летней свободы дороги.

Солнце припекало всё сильнее. Корнэл приподнял голову, щурясь от света, и невольно вспомнил о воде.

Где-то впереди, немного в стороне от дороги, в горах было его место. Не его по праву, конечно, вода никому не принадлежит, но он любил думать, что водопад знает его так же хорошо, как он водопад.

Уголки губ сами собой дрогнули.

— Ну что, дружище, — тихо сказал он жеребцу, наклоняясь к уху, — сделаем маленький крюк?

Жеребец фыркнул, мотнул головой, словно соглашаясь.

Корнэл потянул повод, свернул с широкой дороги на более узкую, не столь наезженную тропу, уходящую к горам. Освещённый солнцем путь постепенно сменился пятнистой тенью: деревья сомкнули над ними кроны. Здесь птицы пели громче, ветер шептал листвой, а где-то очень далеко, едва слышно, доносился знакомый глухой рокот.

Он уже знал, что это не гром.

Через какое-то время тропа стала круче, земля под копытами каменистой, воздух свежее и влажнее. Шум воды нарастал, пробиваясь сквозь шум леса. Наконец между деревьями мелькнуло вспышками что-то белое, и дорога вывела к знакомой поляне.

Горная река, бегущая по камням, встретила его яркой блестящей лентой. Чуть дальше вода падала с каменного уступа, разбиваясь внизу в белую пену. Облако брызг поднималось над водопадом и искрилось на солнце сотнями крошечных радуг.

Здесь было прохладнее, чем внизу на дороге, и от одного вида этой прохлады стало легче дышать.

Корнэл спрыгнул с седла, похлопал жеребца по шее.

— Отдохни, брат, — сказал он. — Я ненадолго.

Он отвёл коня в тень старой ели, привязал повод к корню так, чтобы жеребец мог дотануться до травы и воды. Тот сразу принялся щипать сочную зелень, иногда поднимая голову и прислушиваясь к реву водопада.

Корнэл подошёл к реке, присел, зачерпнул ладонями воду. Холод обжёг кожу так, что он выругался сквозь зубы, а потом рассмеялся. Умыл лицо, шею, давая струям смыть дорожную пыль и усталость.

Этого показалось мало.

Он огляделся: лес вокруг был пуст. Только вода, камни, солнце и его собственный конь в тени.

Решение родилось легко, по-мальчишески.

Корнэл расстегнул пояс, снял жилет, бросил на камень. Следом рубаха. Сапоги, штаны. Через минуту на большом плоском камне у кромки воды лежала аккуратная кучка одежды, поверх которой лёг ремень с ножом.

Корнэл остался в одной тонкой нижней рубахе до середины бедра и шагнул в воду.

Холод резанул ноги, поднялся по икрам, по коленям, схватил бёдра. Он втянул воздух сквозь зубы, но всё равно пошёл дальше, пока поток не обхватил его до пояса.

— Вот так, — выдохнул он, улыбаясь сам себе.

Юноша сделал ещё пару шагов, пока вода не стала глубже, оттолкнулся от дна и нырнул под струю. Водопад принял его резко и мощно, ударяя по плечам и голове, сбивая дыхание, но ощущение было таким, будто с него разом смыло весь жар, пот и накопившиеся мысли.

На миг он перестал быть сыном боярина и посланником с бумагами. Снова стал мальчишкой, сбежавшим со двора к водопаду.

Корнэл вынырнул, откинул назад мокрые волосы, рассмеялся.

Некоторое время он просто плавал в небольшом омуте у подножия водопада, давая мышцам отдохнуть после дороги. Рубаха прилипла к телу, очерчивая линию груди и живота, сильные плечи и талию. Кожа сначала покрылась мурашками, но вскоре холод перестал быть врагом, превратившись в бодрящую силу.

Он подплыл к камню, за который можно было ухватиться, устроился полулёжа, позволяя воде омыwać живот и ноги, а лицу ловить лучи солнца.

Лёгкий ветер касался влажной кожи. Капли стекали по шее, груди, по рельефным мышцам живота, собирались в тонкие струйки и исчезали в реке. Сильные руки лежали на камне, пальцы лениво сжимали шероховатую поверхность.

Корнэл прикрыл глаза, позволив себе несколько мгновений ни о чем не думать: ни о контрактах, ни о зерне, ни о том, что отец потом спросит с него, как со взрослого.

Мысли всё равно пришли, но уже мягче, как облака, плывущие по небу.

Вот бы просто быть здесь, у воды... хоть немного дольше.

Он чуть улыбнулся своим фантазиям и, чувствуя, как солнце уже сушит волосы, подтянулся, выбрался на плоский нагретый камень у берега. Рубаха липла к телу, и он стянул её через голову, бросил рядом, оставшись обнажённым.

Солнце радостно легло на плечи и спину, на грудь и живот. Корнэл глубоко вдохнул, наслаждаясь теплом после ледяной воды.

Капли стекали по ключицам и груди, собирались в ложбинке живота и медленно прокатывались ниже. На боку серебристой ниткой блеснул старый шрам, память о неудачной юношеской охоте.

Корнэл провёл ладонью по волосам, отбрасывая мокрые пряди назад, и лёг на спину, подложив руки под голову. Некоторое время он просто лежал, слушая шум воды и щебет птиц.

Именно в этот момент, когда тело наконец расслабилось, а мысли поплыли, взгляд зацепился за что-то необычное.

Слева, у самой кромки воды, между двумя камнями, во влажной тени, что-то блеснуло. Не так, как блестит обычный мокрый камень, иначе, плотнее.

Корнэл приподнялся на локте, прищурился.

Блеск повторился, когда луч солнца пробился сквозь листву и ударил в это место.

— Что там у нас? — пробормотал он, уже заинтересованный.

Корнэл спустил ноги, осторожно ступая по мокрому камню, чтобы не соскользнуть, и подошёл ближе. Вода стекала тонкими струйками, наполняя небольшую трещину между камнями.

Среди гальки и мелких осколков он заметил, что-то тёмное, круглое. Когда солнце снова легло под нужным углом, в глубине вспыхнул красный огонёк.

Корнэл присел, опёрся одной рукой о камень, другой осторожно нащупал углубление. Пальцы встретили холодный металл: цепкий, гладкий. Он поддел находку и вытянул её на свет.

На ладони лежал браслет.

Тёмное, почти чёрное серебро, тяжёлое для такой тонкой вещи. Кольцевой дракон изгибал своё тело в замкнутый круг. Голова была приподнята, рот слегка приоткрыт, глаза выточены так, что при определённом свете казались живыми.

В месте, где тело дракона смыкалось, был вставлен камень. Сердолик красно-коричневый, с прожилками, похожими на тонкие нити застывшей крови.

Корнэл перевернул браслет между пальцами. Серебро было странно тёмным, но не грязным, будто так задумывал мастер. Чёрный налёт смотрелся не как ржавчина времени, а как естественная тень чешуи.

Камень, поймав солнечный луч, мягко вспыхнул изнутри.

— Интересно... — тихо произнёс юноша.

Украшение было явно не дешёвое. Работа тонкая, с характером. И едва ли крестьянская. Для крестьянина это целое состояние, а путники просто так сюда не забредают.

Мысль о том, что совсем недавно здесь могла быть женщина, купавшаяся так же, как он, и потерявшая браслет в спешке, почему-то кольнула его лёгким уколом любопытства.

Кто ты, хозяйка этого дракона?

Он невольно представил тонкое запястье, нежную кожу, воду, стекающую по серебру.

— Ну что, дракон, — пробормотал он, сам не зная, почему обращаясь к нему, как к живому, — пойдёшь со мной?

Металл был сперва холоден, но почти сразу стал теплее, будто принял предложение.

Корнэл ещё мгновение смотрел на находку, затем пожал плечами и вернулся к своей одежде.

Он дал себе немного времени обсохнуть на солнце, затем натянул рубаху, она слегка шуршала по ещё влажной коже, но ничего страшного, скоро подсохнет. Штаны, сапоги, жилет. Пояс лёг на привычное место, нож оказался под рукой. Браслет он положил во внутренний карман жилета, ближе к сердцу, даже не задумавшись, почему именно туда.

Бросив последний взгляд на водопад и камень, где только что лежал, как мальчишка на солнце, он подошёл к коню, похлопал по шее.

— Пора работать, дружище, — сказал он.

Жеребец фыркнул, будто соглашаясь, и вскоре они снова были на тропе, ведущей к большой дороге и дальше, к Валчешти, где его ждали бумаги, люди и слухи... и где никто ещё не знал, что вместе с ним в город войдёт маленький серебряный дракон.

Глава 4. Валчешти на перепутье

Валчешти показался не сразу. Сначала дорога вывела к реке, широкой, с мутной тяжёлой водой, которую даже летом не перейдёшь вброд. На противоположном берегу поднимался пологий холм, а на его склоне тесно, плечом к плечу, стояли дома, светлые стены, тёмные крыши. Над всем этим возвышалась башенка церкви с простым крестом без лишней роскоши.

Городок стоял на перекрёстке. Одна дорога уводила дальше, к столице Клуж, в сторону более богатых земель и дворцов, другая упиралась в горы, туда, где начинались рудники, лесные деревеньки и скрытые в ущельях тропы.

Через реку тянулся длинный каменный мост, не новый, но крепкий, с широкими арками. По нему неспешно двигалась жизнь: телега с сеном, воз с бочками, пара всадников, люди с котомками. По краям моста сидели мальчишки, свесив ноги к воде и о чём-то споря, а один старик с корзиной рыбы кричал, зазывая покупателей.

Со стороны Корнэл выглядел как один из многих: молодой мужчина в дорожной, добротной одежде на хорошем ухоженном жеребце. В его осанке, в том, как он держал повод и смотрел на город, чувствовалась привычка не просить, а договариваться.

Он въехал на мост. Камень под копытами отозвался гулким, уверенным стуком. Ветер с реки принёс влажный запах воды, на миг стало свежее.

По мере приближения к городу становилось слышнее: гул голосов, крики торговцев, лай собак, звон молотка по металлу, где-то в кузнице.

У ворот, невысоких, больше символических, чем защитных, стояла стража. Двое мужчин в коротких кольчугах с копьями и поясами, оттянутыми от долгого ношения. На груди у них был простой знак местного воеводы.

— Кто и с чем? — по привычке спросил один, присматриваясь к Корнэлу.

— Корнэл, сын дворянина Николае Кондрану, — спокойно ответил он. — По делам. Контракт с купцом из Клужа, проверка счетов городских амбаров.

— Проезжайте. Вверх по улице рынок, справа управная изба и конторы. Не потеряетесь. Валчешти жил своей обычной жизнью.

Главная улица от ворот тянулась вверх по склону. Мостовая была местами выложена булыжником, но кое-где камни ушли в землю, и между ними набилась пыль. В сухую погоду по ней можно было пройти терпимо, в дождь улица превращалась в кашу. Сейчас солнце сушило булыжник и пыль до тёплого, шуршащего под копытами слоя.

Дома вдоль улицы были разные, но чем-то похожие. Нижний этаж каменный или из толстого бруса, верхний деревянный, немного нависающий над улицей. Крыши чаще черепичные, местами тёмная гонта. У многих домов под выступом крыши теснились маленькие лавки: из открытых дверей пахло хлебом, копчёным мясом, смолой, свежими досками, пивом.

Люди одевались просто, но каждый по-своему, в зависимости от достатка. Мужчины в полотняных рубахах, подпоясанных ремнём, у кого-то поверх жилет или короткий кафтан. Штаны до щиколотки, грубые кожаные башмаки или сапоги. У ремесленников поверх одежды кожаные фартуки, у погонщиков плащи, у стражников кольчуги и плащи поглубже.

Женщины в длинных рубахах и юбках, у многих поверх передник. У более зажиточных ткани были ярче, по подолу шла вышивка, корсажи на груди стянуты шнуровкой. На головах платки или небольшие шляпки. Дети носились босиком, в коротких рубашках, с закатанными штанами, и у каждого в руках была либо палка, либо какой-нибудь найденный «клад».

Чуть выше, где улица расширялась, начинался рынок.

Под навесами и под открытым небом стояли лавки и прилавки. Бочки с зерном и мукой, корзины с яблоками, капустой и луком, связки сушёной рыбы, кувшины с вином и маслом.

На других прилавках кожаные пояса и сумки, холсты, лезвия ножей, крючки, подсвечники, глиняная посуда с простыми орнаментами.

Возле одного стола громко спорили двое:

— Я тебе говорю, в этом году виноград хуже, чем в прошлом!

— А я тебе говорю, вина меньше не будет, мы не вчера родились!

Где-то смеялись, где-то ругались, где-то просто упрямо торговались.

Над рынком, на небольшой площади, виднелось здание управы. Большая изба с каменным низом и деревянным верхом. У входа широкое крыльцо, над дверью вырезанный из дерева герб местного господаря. Здесь принимали жалобы, сюда приносили отчёты, отсюда уходили письма с печатями.

Рядом теснились конторы, невысокие, но ухоженные домики с побеленными стенами и аккуратными вывесками. В них переписывали бумаги, заключали сделки, платили налоги. Внутри пахло воском, чернилами и дублёной кожей папок.

Чуть поодаль, ближе к окраине, стояла небольшая церковь в православном обычае, с белёными стенами, тёмной крышей и маленьким куполом с крестом. Внутри горели свечи, люди заходили, крестились, шептали свои просьбы.

Корчмы и постоялые дворы тянулись ближе к дороге, что шла дальше на столицу. Они различались и видом, и запахом. Были забегаловки с мутным пойлом и дымом, который ел глаза, были места поприличнее. Вывески с названиями: «Кабан», «Подкова», «Солнце», у одной был изящно нарисованный конь с упряжью и надпись «Золотая Упряжь».

Именно туда мысленно отметил путь Корнэл, но потом. Сначала были дела.

Он спешил к неподалёку от управы, отдал коня мальчишке-конюху во дворе, велел напоить и покормить. Заплатил медяком вперёд, так надёжнее.

Первым делом его ждал нотариус.

Контора Драга находилась на углу площади, одноэтажный домик с узкими окнами и крепкой дверью. Над дверью висела табличка с аккуратной надписью: «Нотариус Драг Мирча».

Внутри пахло воском, чернилами и старой бумагой.

За широким столом у окна сидел сам Драг. Мужчина лет пятидесяти, невысокий, плотный, с аккуратно подстриженной седой бородкой. Волосы были зачёсаны назад, на переносице пролегла тонкая складка от привычки хмуриться над мелким текстом. На нём был тёмный простой, но добротный жилет, рубаха застёгнута до горла, на пальце печатка.

Глаза у Драга были светло-карие, внимательные и немного усталые. Так смотрит человек, который видел слишком много чужих споров и предпочитает сначала прочесть всё до конца, а уже потом решать, кто прав.

— Милостивый господин Корнэл, — он поднялся при виде гостя. — Рад видеть. Отец ваш писал, я ждал.

— Взаимно, господин Драг, — ответил Корнэл, пожимая руку. — У меня с собой контракт по вину. Купец из Клужа, увы, не из тех, кому можно верить на слово.

— Тем больше работы для меня, — заметил нотариус, и в глазах на миг мелькнуло довольство.

Он пригласил Корнэла сесть. Тот достал папку и разложил бумаги на столе.

Контракт описывал поставки вина, сроки, цены, штрафы за просрочку. Драг читал тщательно, иногда щурился, иногда вёл пальцем по строке, словно на ощупь проверяя каждое слово. Временами он задавал сухие, точные вопросы.

— Здесь формулировка слишком мягкая. Её можно обойти.

— А здесь вам стоит добавить условия хранения. Иначе в случае порчи вина вы будете спорить до седых волос.

Корнэл отвечал, возражал, соглашался. Они вместе исправляли строки, добавляли уточнения.

Через какое-то время Драг взял печать, ещё раз проверил подписи и поставил свою.

— Теперь вы защищены настолько, насколько это возможно бумагой, — произнёс он.

— Людям я верю меньше, чем бумаге, — сухо усмехнулся Корнэл, собирая документы.

— Поэтому и пришёл к вам.

С вином было покончено, но оставалась вторая часть поручения.

Городские амбары и зерно.

Счета не сходились. По словам отца, в прошлом месяце ушло больше, чем должно было.

Значит, либо кто-то ошибся, либо кто-то решил, что может взять лишнее.

Человек, с которым нужно было говорить, ждал в помещении возле управы. Это был заведующий амбарами Флорин Патраш.

Флорин оказался мужчиной лет сорока пяти, среднего роста, с сильными руками, которые всё ещё помнили тяжесть мешков, хотя сам он уже давно больше писал, чем носил. Лицо у него было широкое, с короткой тёмной бородой, на висках проступала седина. Глаза зелёные, цепкие, как у человека, привыкшего считать и чужое, и своё.

Он встретил Корнэла вежливой, но осторожной улыбкой.

— Господин Корнэл, — поклонился он. — Честь видеть вас. Город благодарен вашему дому за поставки.

— Дом благодарен городу за честные расчёты, — спокойно ответил Корнэл. — Но в последнем месяце бумага говорит не так, как должны были говорить мешки.

Флорин чуть побледнел.

— Возможно, ошибка писаря, — торопливо произнёс он. — Или неверная отметка.

— Давайте посмотрим, — предложил Корнэл. — И ваши записи, и наши.

Они прошли в комнату с длинным столом, заваленным книгами и листами. В окно были видны амбары, длинные здания с толстыми стенами, над дверями печати и замки.

Флорин развернул большие книги прихода и расхода, Корнэл достал свои записи. Они стали сверять: количество мешков, даты, подписи.

— Вот здесь, — Корнэл провёл пальцем по строке. — По вашим книгам ушло двадцать мешков больше. И стоит подпись вашего помощника.

— Он молодой, — с нажимом ответил Флорин. — Мог перепутать строку.

— Молодой может перепутать один раз, — тихо возразил Корнэл. — Но у нас таких строк три за последние две недели.

Разговор стал жёстче. Не грубым, Корнэл умел держать себя, но твёрдым.

Он задавал вопросы, просил показать накладные и расписки, называл даты, требовал объяснений. Флорин оправдывался, краснел, стирал пот со лба.

Постепенно вырисовывалась картина. Где-то «потерялся» один мешок, где-то «ошиблись в записи», где-то «записали в долг», который собирались вернуть. Мелкие несовпадения складывались в слишком большую дыру.

— Я не вор, — наконец выдохнул Флорин, сжав кулаки. — Я... я думал, мы вернём. Людям нечего есть в деревнях, а зерно у вас полные закрома.

Корнэл посмотрел на него пристально.

— Есть разница между тем, чтобы помочь, и тем, чтобы брать без спроса, — негромко сказал он. — Если бы вы пришли и сказали: людям голодно, отец нашёл бы решение. А так вы поставили под удар и нас, и себя.

Флорин опустил глаза.

— Что будет со мной?

— Я передам отцу всё как есть, — честно ответил Корнэл. — А он решит. Но если хотите для себя меньшего наказания, соберите все имена, все суммы и все ваши «ошибки». И приготовьте объяснение.

Флорин кивнул, как человек, которому в лицо плеснули холодной водой.

Когда Корнэл вышел из управы, солнце уже клонилось к закату. Пыль на улице стала мягче, воздух стал золотистым. Ветер принёс запах жареного мяса и свежего хлеба от трактиров.

Дела на день были закончены.

Теперь можно было позволить себе немного отдыха.

Он забрал коня, но ехать далеко не стал. «Золотая Упряжь» стояла неподалёку от площади, постоялый двор, который держала одна семья уже несколько поколений.

Здание было двухэтажным, с широким фасадом и крышей, нависающей над крыльцом. На вывеске был выжженный и подкрашенный силуэт коня с богато украшенной сбруей. У дверей стояли две бочки, чуть в стороне каменная поилка для лошадей.

Во дворе пахло сеном, лошадьми и чем-то жареным.

Хозяин, коренастый мужчина по имени Тиберий с густыми усами, встретил его деловой приветливостью.

— Комната на ночь?

— Как минимум на одну, — кивнул Корнэл. — Коня в стойло, накормить, напоить. Мне комнату чистую и ужин чуть позже.

— Найдём, — уверенно сказал Тиберий.

Комната, которую отвели Корнэлу, была на втором этаже, с маленьким окном во двор.

Внутри всё было просто, но аккуратно: кровать с толстым тюфяком и чистым полотняным бельём, у стены сундук, у окна небольшой стол и табурет. На стене крючок для одежды. Пол подмели, в воздухе чувствовался запах древесины и немного сушёных трав, которые хозяйка, видно, раскладывала по углам.

Корнэл поставил сумку на сундук, снял жилет, повесил его на крючок. Проверил, чтобы документы лежали там, где нужно. Умылся из кувшина, поправил волосы.

Приоткрыл окно и прислушался к шуму двора. Голоса, стук вёдер, ржание лошадей, смех. Всё звучало спокойно, по-домашнему.

Но настоящее сердце постоялого двора билось этажом ниже.

Он спустился в общий зал. Там уже стоял гул голосов, пахло жареным мясом, хлебом и пряным вином.

Корчма при «Золотой Упряжи» была просторной. В центре несколько тяжёлых деревянных столов, вдоль стен лавки. У дальней стены очаг с живым огнём, над ним на вертеле медленно вращалось мясо. На столах глиняные кружки, кувшины, деревянные миски.

За столами сидели разные люди. Купцы в приличных кафтанах с перстнями. Пара местных ремесленников. Пара землевладельцев в одежде попроще, но с хорошими сапогами и уверенностью в голосе.

Корнэл выбрал стол у стены, откуда было видно и дверь, и большую часть зала. Заказал кружку вина и тарелку жаркого.

Разговоры текли вокруг сами собой. Одни обсуждали цены на зерно, другие жаловались на налоги, третьи рассказывали о том, что в столице снова меняют законы.

Но ухо Корнэла цеплялось за другое.

— ...говорю тебе, в лесу беспокойно. Слышали, будто у гор лагерь разбойников стоит.

— Разбойники были всегда.

— Эти... какие-то другие. Будто бы у них предводитель, «благородный». Грабят только богатые обозы, а бедных не трогают.

Кто-то усмехнулся, кто-то хмыкнул, кто-то сплюнул в сторону.

Корнэл делал вид, что не слушает, но каждое слово оседало внутри, как зерно, брошенное в рыхлую землю.

Глава 5. Потерянный браслет

Пока Корнэл сидел в корчме «Золотая Упряжь» и слушал, как за соседними столами обсуждают новости о дорогах, налогах и лесных слухах, в лагере у подножия гор зажигалась своя ночь.

У главного костра на толстых кольях медленно жарилось мясо. Над огнём кипел котёл с похлёбкой из чечевицы и сушёного мяса, на плоских камнях доходили простые лепёшки с солью и сушёными травами. Запах дыма, жареного и пряной зелени густо висел над лагерем, смешиваясь с влажной прохладой, которая к ночи сползала с гор.

Лесные люди расселись кругом. Кто сидел на поваленных стволах, кто прямо на земле, подложив под себя свёрнутые плащи. Мария, как обычно, распоряжалась котлом, разливая похлёбку по деревянным мискам.

— Ну, признавайтесь, кому сегодня судьба улыбнулась, тому и побольше мяса, — приговаривала она.

— Ты бы людям счастье не отмеряла по размеру куска, — хмыкнул Марин, принимая свою порцию. — А то, как-нибудь и тебе миска улыбнётся пустым дном.

Флорин, худой живой паренёк с взъерошенными волосами, крутил в пальцах ложку и, не дожидаясь, пока похлёбка остынет, обжигался и фыркал.

Разговор незаметно перешёл к обсуждению дел.

— По тракту к столице скоро опять пойдут обозы, — сказал Марин, лениво водя ложкой по миске. — Клужские купцы заключили новые сделки, везти будут вино, сукно, а там видно будет.

— Так и надо опустошать таких, — протянул Лука. — Не крестьян с одним мешком пшеницы, а тех, у кого мешки звенят и пузо не голодает.

— Открытую дорогу не трогать, — спокойно заметил Драгош. Он сидел чуть в стороне, но всё слышал. — Там стража. Нам нужны обозы, которые устанут и свернут на постоянные дворы.

— Значит, подождём их у постоянных, — кивнул Лука. — Ночью, когда сытые и пьяные.

— Не только ждать, — возразил Марин. — Надо знать, кто с кем едет и что везёт. Поспрашиваем, присмотримся. В лоб идти глупо.

У костра рождались планы, осторожные и выверенные. Обсуждали, где пройти лесной тропой, откуда наблюдать за трактом, кого послать разведать постоянные дворы, на какие обозы стоит смотреть и какие не трогать, чтобы не обидеть простых ремесленников и крестьян.

Женщины сидели чуть поодаль. Мария раздавала лепёшки, Илина следила, чтобы дети поели до отвала, Катя больше слушала, чем говорила, впитывая каждое слово. Дети после ужина зевали, тёрли глаза и, получив по кусочку лепёшки «на потом», разбредались по своим углам.

Только Виорика почти не участвовала ни в разговорах, ни в общем смехе.

Она сидела рядом с костром, но как будто немного в стороне, с миской в руках, в которую едва пару раз зачерпнула ложкой. Взгляд то и дело опускался к левому запястью. Пальцы по привычке искали там холодный металл, но каждый раз встречали только пустую кожу.

От этого пусто становилось и внутри. Будто что-то вырезали, а тело всё ещё пыталось нащупать это на месте.

Драгош заметил это быстро. Он всегда замечал, когда она уходила в себя.

— Виорика, — окликнул он негромко. — Ты ешь или супу прохладу сторожишь.

Она слегка вздрогнула, подняла голову.

— Не идёт в горло, — честно сказала она. — Будто камни глотаю, а не похлёбку.

Лука было усмехнулся, но один взгляд Драгоша остудил его желание вставить слово.

— Это всё из-за браслета, — спросил Драгош, не повышая голоса.
Она сильнее сжала миску.

— А из-за чего ещё, — тихо ответила девушка. — Он был со мной всегда. Сколько я себя помню. А теперь его нет.

Он помолчал, внимательно всматриваясь в неё.

— Ты не бросала его, — спокойно произнёс он. — Ты спешила, когда услышала выстрелы. Разница есть.

— Разница в том, что он остался там, а я здесь, — глухо возразила она. — Я уехала, даже не оглянувшись. Как будто он ничего не значил.

— Жалкие трусы сидят в хижине, когда слышат выстрелы, — отрезал Драгош. — А ты вскочила в седло и помчалась проверять, живы ли в лагере. Не путай трусость с тем, что ты не успела ухватить всё сразу.

Слова резанули, но в этой резкости было больше опоры, чем укора.

Драгош отставил свою миску, обвёл глазами собравшихся, и голос его прозвучал чуть громче:

— Завтра на рассвете Виорика поедет к водопаду.

Он перевёл взгляд на Марину.

— Не одна. Ты поедешь с ней.

Марин кивнул, даже не подумав спорить.

— Возьмёте свежих лошадей, — продолжил Драгош. — Проверите камни, трещины, берег. Если браслет там, вы его найдёте.

— Найдём, — уверенно сказал Марин. — Если его не забрал кто-то раньше... или вода.

Слова про воду и чужие руки кольнули, как холодная игла.

Виорика невольно прижала левую руку к груди.

— Он тяжёлый, — хрипло сказала она. — Вода просто так его не унесёт.

— Тем более, — сухо подытожил Драгош. — Завтра дела. А сегодня хватит терзать себя.

Ешь и иди отдыхать.

Разговоры у костра снова продолжились. Лука с Флориным обсуждали, какие постоянные дворы вокруг тракта удобнее всего «присмотреть», Мария переговаривалась с Илиной, прикидывая, что нужно людям в дорогу, когда они отправятся на вылазку.

Виорика доела похлёбку через силу, пожелала всем спокойной ночи и направилась к своей хижине.

Внутри было полутемно. Сквозь щели пробивался слабый отблеск костра. Она зажгла лучину и поставила её на стол. Тёплый свет выхватил из тьмы знакомое: крючок с плащом, оружие на стене, глиняный кувшин на полке, занавеску, за которой прятался её угол.

Драгош вошёл следом, потянулся, будто сбрасывая с плеч прожитый день.

— Утро будет насыщенным, много дел, — сказал он. — Ложись.

— Лягу, — коротко ответила она.

Своё маленькое пространство за занавеской она любила. Узкая кровать с лоскутным одеялом, сундук с её вещами, полка с мелочами. Здесь было то небольшое, что принадлежало только ей. Всё, кроме браслета, которого уже не было.

Она переделась в ночную рубаху, заплела волосы и легла. Но сон не спешил.

В хижине постепенно стало тихо. Снаружи ещё какое-то время слышались голоса у костра, потом начали стихать. Остались шорохи ночного леса и тихий шум ручья.

Через небольшое окошко было видно кусочек неба. Несколько звёзд, тонкий месяц, тёмный зубчатый силуэт гор.

Виорика лежала, глядя в этот маленький квадрат, и думала о браслете.

Она не помнила, как его надели. Тогда ей было год или два. Память хранила не картинки, а обрывки ощущений. Тёплая рука, гладкая кожа, запах чего-то родного. Тихий голос, шепчущий над ней.

И вместе с этим холодный круг на маленьком запястье. Сначала тяжёлый и чужой, потом привычный, как часть тела.

Иногда во сне ей мерещился край постели не в этой хижине и не в лесу, а в другом доме. Там было тише и теплее. Яркого образа не было, только вспышки: тёмные волосы, склонившееся лицо, глаза, похожие на её собственные, шёпот: «он защитит тебя...».

Каждый раз эти обрывки заканчивались одинаково. Лес, много незнакомых людей, и Драгош, крепко прижимающий её к себе, пока она плачет и цепляется за его кафтан.

Она не знала, откуда браслет. Не помнила мать, но чувствовала, браслет связан именно с ней.

Однажды, когда она подросла, Виорика спросила:

— Откуда у меня браслет?

Драгош помолчал, потом ответил:

— Точно не помню. Какая-то женщина подарила тебе, чтобы он тебя защищал.

— А кто она?

— Говорю же, не помню, — отрезал он слишком быстро. — Не спрашивай.

После этого он каждый раз замыкался, когда разговор задевал её прошлое. Мог уйти по делам, мог сменить тему, мог просто промолчать.

И она чувствовала, что он недоговаривает. За его молчанием скрывается что-то тяжёлое.

И вот теперь единственное, что осталось от той жизни, исчезло.

Она повернула руку в тусклом свете лучины. Кожа там, где всегда лежал металл, казалась чужой и голой.

Виорика зажмурилась, чтобы слёзы не потекли сами. Нет. Она не будет рыдать из-за железа. Лесные люди не плачут. Так её учили.

Но от этой мысли внутри легче не стало.

Сон всё же пришёл рывком. То ли от усталости, то ли потому, что тело не выдержало напряжения. Снились брызги водопада, тёплая рука, холодный круг на запястье и чьи-то голоса, которые никак не складывались в слова.

Когда в щели хижины пробился первый бледный свет, Драгош уже был на ногах.

— Виорика, — его голос вырвал её из тяжёлого, рваного сна. — Вставай.

Она села на кровати, провела рукой по лицу. В груди всё ещё стоял ком, но к нему приехала жёсткая решимость.

— Готова, — коротко сказала она.

Она оделась быстро, рубаха, штаны, жилет, сапоги. Туго заплела волосы. Взгляд на запястье задержался лишь на мгновение.

На дворе утро было прохладным и прозрачным. Небо только начинало розоветь над вершинами. Лагерь ещё дремал, но у стойл уже стояли две осёдланные лошади. Марин проверял подпруги и ремни.

— Ну вот, — кивнул он ей. — Солнце ещё не встало, а мы уже куда-то бежим. Как всегда. Драгош подошёл ближе и положил ей руку на плечо.

— Слушай, что говорит Марин, — спокойно произнёс он. — Тропы ты знаешь, но, когда вдвоем, безопаснее.

Он чуть сильнее сжал её плечо.

— И помни, важнее всего ты. Не камни и не железо. Поняла?

— Для тебя да, — тихо ответила она. — Для меня... сложнее.

Он не стал спорить. Только глубже вздохнул, будто что-то проглатывая.

— Возвращайтесь до полудня, — уже обычным тоном добавил он. — И не рискуйте понапрасну.

У водопада они с Марином были как раз тогда, когда солнце поднялось над деревьями.

Вода ревела всё так же, разбиваясь о камни внизу белой пеной. Брызги летели в воздух, садились на кожу холодными иглами. Солнечный свет пробивался сквозь ветви, делая всё вокруг ярче и жестче.

— Покажи, где ты была, — сказал Марин.

— Здесь, — ответила она, ступая на знакомый камень. — Я купалась... тут переодевалась.

Она опустилась на колени у кромки воды. Пальцы ушли в ледяную гладь, перебирая гальку, заглядывая в щели между камнями.

Холод быстро добрался до костей, но она продолжала. Камень за камнем, трещина за трещиной.

Марин осматривал всё вокруг. Берег, мелкие углубления, места, куда вода могла сносить тяжёлые вещи. Иногда заходил по щиколотку, иногда по колено, не обращая внимания на промокшую одежду.

Время тянулось. Пальцы у Виорики онемели.

— Его нет, — шепнула она наконец. — Здесь его нет.

Слова прозвучали так, будто она выносила приговор самой себе.

Марин выпрямился, ещё раз оглядел камни и тяжело выдохнул.

— Видел я, как вещи так исчезают, — негромко сказал он. — Или вода забрала глубже, или кто-то нашёл раньше нас.

Мысль о чужих руках, держащих её браслет, обожгла сильнее ледяной воды.

Кто-то взял его. Носит. Смотрит. И не знает, что держит.

Она снова опустилась, почти судорожно отбрасывая камни, пока кожа на ладонях не стала красной от холода.

— Хватит, — твёрдо сказал Марин и положил ей руку на плечо. — Мы всё осмотрели. Если бы он был здесь, мы бы его нашли.

— Ты ничего не знаешь, — выдохнула она, но в голосе не было злости, только усталость. — Для тебя это просто кусок серебра.

Он помолчал и тихо сказал:

— Я знаю, каково это, когда дорогая вещь пропадает.

Она вскинула на него взгляд, но спрашивать не стала. У каждого в лагере были свои тайны.

Обратная дорога прошла как во сне. Лес был всё тот же, тропы те же, но казалось, что мир стал тяжелее, а воздух гуще.

В лагерь они въехали уже при ясном утреннем свете.

Драгош ждал у костра, руки скрещены на груди. Лицо казалось спокойным, но напряжённая линия челюсти выдавала внутреннее беспокойство.

— Ну, — спросил он.

— Нет, — ответила Виорика, спрыгивая с лошади. Голос звучал хрипло. — Его там нет. Как будто он никогда там не лежал.

Марин добавил:

— Берег чистый. Есть старые следы людей, но, когда они были, не понять. Вода могла унести глубже. Или кто-то нашёл раньше.

Драгош на миг прикрыл глаза, будто что-то просчитывая. Потом подошёл ближе к Виорике.

— Посмотри на меня, — тихо сказал он.

Она подняла взгляд. В нём смешались усталость, злость на себя, боль и пустота.

Он смотрел на неё долго, словно хотел убедиться, что она не сломалась.

— Ты вернулась, — произнёс он. — Это главное.

— Для тебя, — горько усмехнулась она. — Но не для него. И не для тех, кто его мне дал.

Он едва заметно дёрнул плечом, словно её слова попали в незакрытую рану.

— Украшения можно потерять и найти, — быстро сказал он. — Можно сделать новый.

— Это был не просто браслет, — резко оборвала она. — Ты сам это знаешь. Он был со мной всегда. Это было всё, что у меня осталось.

Челюсть Драгоша напряглась.

— Есть вещи, о которых лучше пока не знать, — глухо произнёс он. — Есть слова, после которых назад уже не вернуться.

— Ты скрываешь от меня правду, — сказала она прямо. — Всю жизнь. И это связано с ним.

Он снова встретился с ней взглядом, и на миг в его глазах мелькнули вина и боль.

— Это связано с тобой, — ответил он. — Не с железом.

Между ними повисло тяжёлое молчание.

— Тогда скажи хоть одно, — выдавила она. — Я ещё когда-нибудь его увижу.

Он задержал дыхание на долю секунды.

— Жизнь длиннее, чем дорога к одному водопаду, — сказал он, не давая прямого ответа. — Иногда то, что ушло из рук, возвращается странными путями.

Это было не то, что она хотела услышать. Но в голосе была тяжёлая уверенность, будто он чувствовал, что история браслета ещё не закончена.

Он осторожно коснулся её плеча и чуть сжал.

— Надо продолжать жить без него, — тихо произнёс он. — На нас идут обозы. Людям нужны ясная голова и твёрдые руки. А ответы придут, когда придёт их время.

Он развернулся и громко окликнул Луку и Марину, уже отдавая распоряжения по вылазке к тракту. Голос снова стал обычным, твёрдым и уверенным, как у человека, который знает, что делать дальше.

Виорика осталась стоять посреди лагеря с голой рукой и странным ощущением, что мир чуть-чуть сдвинулся, но ещё не показал, в какую сторону.

Глава 6. Девушка из сна

Ночь в «Золотой Упряжи» выдалась тёплой и неспешной. Гул голосов внизу постепенно стихал, последние кувшины опустели, стулья заскрипели, когда их отодвигали от столов. Кто-то, громко зевая, шёл в конюшню проверить коней, кто-то поднимался по лестнице, держась за перила.

Корнэл поднялся в свою комнату, когда в общем зале уже начали гасить лишний свет. За дверью его встретили тишина, запах дерева.

Он поставил подсвечник на стол, зажёл свечу. Тёплое пламя высветило простой, но аккуратный угол: кровать с толстым тюфяком, сундук, табурет, крючок для одежды. За маленьким окном чёрным пятном лежал ночной город.

Корнэл снял жилет, но перед тем, как повесить его, задержал руку у внутреннего кармана. Пальцы нащупали знакомую тяжесть.

Браслет.

Он аккуратно достал его и положил на раскрытую ладонь. При свете свечи тёмное серебро казалось ещё глубже, словно металл впитал в себя ночную тень. Круглый дракон смыкал своё тело в замкнутое кольцо. В месте, где оно соединялось, тускло поблёскивал сердолик, в глубине которого прятался тёмно-красный огонь.

Корнэл повертел браслет, отмечая, как искусно выписаны детали: чешуя, изгиб шеи, крошечные зубы. Работа была тонкая, точно не деревенская. Такая вещь не валяется просто так среди камней у водопада.

— Кто же тебя потерял, а, — тихо произнёс он, словно обращаясь к украшению.

Ответом стало лишь мягкое потрескивание свечи и далёкий шум ночного города за окном.

Он чуть прищурился.

— Молодая женщина, — пробормотал Корнэл, вспоминая дневную догадку. — Или девчонка из хорошего дома. Как ни крути, хозяйка у тебя должна быть непростая. И интересно, что она делала в таком глухом месте.

Камень молчал, глубоко пряча свой цвет.

— Кто твоя хозяйка, — вполголоса спросил Корнэл, сам удивляясь, зачем задаёт этот вопрос вслух.

В тот же миг ему показалось, что в глубине сердолика что-то дрогнуло. Совсем чуть-чуть, как будто в дальнем окне мелькнул огонёк. Красный цвет вспыхнул, неярко, но живо, и тут же погас, снова превратившись в тёмное пятно.

Корнэл замер.

Свеча горела ровно, пламя не дрожало. В комнате не было сквозняка, ничего не двигалось, кроме его груди, поднимающейся от дыхания.

— Показалось, — пробормотал он, хотя уверенности в голосе ему самому не хватало.

Он ещё мгновение смотрел на браслет, затем вздохнул, аккуратно завернул его в чистый кусок ткани и убрал обратно во внутренний карман жилета. Карман застёгивался на пуговицу, и это давало ощущение надёжности.

— Завтра, — сказал он самому себе. — Завтра решим, что с тобой делать. То ли обратно к водопаду, то ли домой.

Он погасил свечу, разделся до рубашки и лёг на кровать. Тюфяк оказался мягким, от него шёл лёгкий запах сушёных трав. Городские звуки за окном постепенно таяли, сливаясь в ровный фон.

Сон пришёл быстро, тяжёлый и глубокий.

С первых мгновений сна он снова оказался у воды.

День был ослепительно ясным. Такое лето, какое помнят только из детства: без удушливой пыли, только чистое тепло и синее небо.

Водопад падал со скалы серебряной лентой, разбиваясь внизу в белую пену. В воздухе висели миллионы крошечных капель, переливаясь в солнечном свете, как стеклянная пыль. Река текла дальше спокойным потоком, унося отражения леса.

Корнэл сидел на знакомом плоском камне у самой воды. Рядом на траве лежал его жилет, в тени деревьев паслась лошадь. Он чувствовал тепло камня под ладонью и прохладный влажный воздух, пахнувший мокрым камнем, мхом и какой-то сладковатой цветочной нотой.

Птицы пели так громко, что казалось, весь лес вышел встречать солнце.

Он не торопился. Просто сидел и смотрел на воду, на игру света, на скачущие по камням потоки. В этом было что-то правильное и простое, чего так не хватало в мире людей и бумаг.

Внезапно воздух над рекой чуть дрогнул.

Сначала показалось, что от водопада поднялся туман. Белая дымка легла над водой, затянула часть берега, смягчила линии камней. Но в её движении было что-то необычное, она словно жила своей волей, а не ветром.

Там, где ещё мгновение назад был только блеск воды, теперь стояла девушка.

Она стояла по щиколотку в реке, чуть ниже по течению. Вода ласково обнимала её ноги, разбиваясь о ступни мелкими волнами. На девушке было лёгкое летнее платье, светлое, кружевное, словно сотканное из самого солнечного дня. Ткань мягко обрисовывала тонкую талию и линию бёдер, свободно падая до колен.

Длинные тёмные волосы были распущены, падали по спине и плечам, чуть завиваясь от влажного воздуха. Ветер осторожно трогал пряди, не растрёпывая, а лишь подчёркивая их тяжесть и живость.

Она нагнулась, зачерпнула воду ладонью и плеснула перед собой, по-детски, как делают те, кому хорошо просто от того, что солнце светит, а вода холодная. Звонко рассмеялась. Смех был лёгкий, чистый, как журчание ручья, и в то же время до странного знакомый, будто он уже когда-то слышал его, но не мог вспомнить, где и когда.

Корнэл хотел разглядеть её лицо, но лёгкая дымка над рекой не позволяла. Она словно нарочно собиралась вокруг головы и плеч, размывая черты. Он мог понять только одно: она молода. Линия шеи, изгиб скул, тонкость запястья говорили об этом яснее слов.

Девушка выпрямилась и медленно повернулась в его сторону.

Внутри у него что-то сжалось, странное волнение поднялось, как перед прыжком в холодную воду.

Дымка всё ещё скрывала её глаза и рот, не давая увидеть выражение лица. Но он ясно увидел, как она подняла левую руку.

На запястье блеснул браслет.

Тот самый. Тёмное серебро замыкалось в чёткий круг, а камень горел ярко-красным, как уголёк в костре. Он не просто отражал свет, а светился изнутри, будто внутри него жило маленькое пламя.

Девушка стояла в воде, чуть склонив голову, и, не произнося ни слова, поманила его рукой.

Жест был лёгким и естественным, как если бы она звала его не впервые. В нём не было приказа, только приглашение.

Корнэл поднялся с камня, даже не успев подумать. Сердце взлетело к горлу. В груди разлилось напряжение, почти радостное и в то же время тревожное.

— Подожди, — сорвалось с его губ, хотя он не был уверен, что она слышит.

Он сделал шаг, ещё один. Камень под ногами был тёплым, воздух влажным и прохладным. Всё было таким ощутимым, что трудно было верить, будто это сон.

Он только успел ступить с камня на траву у берега, как дымка над рекой стала гуще. Смех девушки прозвучал совсем рядом, почти у самого уха, но её силуэт начал таять, как отражение в воде, в которую бросили камень.

Огонь в камне на запястье вспыхнул особенно ярко, на одно короткое дыхание, и погас.

Корнэл рывком сел на кровати. Сердце колотилось, дыхание было тяжёлым, ладони влажными.

Комната была той же, что и вечером. За окном светало. Со двора доносились первые утренние звуки: голос, ржание лошадей, стук ведра.

Он провёл ладонью по лицу.

Сон.

Но сны не всегда бывают такими живыми. Он всё ещё почти физически ощущал прохладу воды на коже и слышал в ушах её смех.

Корнэл машинально опустил руку к карману жилета.

Браслет был на месте, тяжёлый и прохладный под тканью.

Он вынул его, раскрыл ладонь. Сердолик выглядел обычно, тёмный, без огня. Никаких следов ночного света.

— Привиделось, — тихо сказал он, но внутри ощущение не желало растворяться.

Он снова убрал браслет в карман и застегнул пуговицу. За окном рассвет уверенно разгонял остатки ночи.

В груди жило странное волнение и неясное нетерпение, словно он чего-то ждал, сам не понимая чего.

Девушка...

Он попытался мысленно сложить её лицо, но дымка сна упрямо скрывала черты. Осталось только ощущение: молодая, стройная, с длинными тёмными волосами и яркий браслет на левой руке.

Корнэл умылся холодной водой из кувшина, неторопливо оделся, движения были привычными, но мысли всё время возвращались к ночному видению.

Внизу, в корчме, уже накрывали завтрак. Пахло свежим хлебом, жареным луком и травяным чаем. Людей было меньше, чем вечером: несколько ранних путников, один торговец, стражник, доедающий кашу.

Корнэл заказал горячую похлёбку и хлеб, но пока ждал, взгляд нашёл хозяина.

Тиберий, с закатанными рукавами, расставлял на стойке кружки и кувшины.

Корнэл поднялся и подошёл ближе.

— Господин Тиберий, — начал он как можно непринуждённое, — у меня к вам странный вопрос.

— Странные вопросы с утра к хорошему дню, — усмехнулся тот. — Спрашивайте.

Корнэл на миг задумался, подбирая слова.

— Вы много кого здесь видите, — сказал он осторожно. — И местных, и приезжих. Не припомните ли девушку...

Тиберий прищурился.

— Девушек в Валчешти хватает, милостивый, — хмыкнул он. — Тут бы кто всех упомнил.

— Не любую, — уточнил Корнэл. — Молодую, невысокую, стройную, с длинными тёмными волосами. Одетую аккуратно, не по-нищенски. И ещё...

Он на секунду задумался, как сказать, не выдав лишнего.

— На левой руке браслет. Не простой. Тёмное серебро, вроде змеи или дракона, а в нём красный камень. Такой сразу бросился бы в глаза.

Тиберий слушал внимательно, опершись ладонями о стойку. Сначала на его лице мелькнула привычная насмешка, но чем дальше говорил Корнэл, тем серьезнее он становился.

Он на мгновение отвёл взгляд, прикидывая.

— Нет, — наконец сказал он. — Такую точно бы запомнил. Я тут с утра до ночи, многие через нас проходят. Но девушки с таким браслетом не было.

Корнэл кивнул, хотя лёгкое разочарование всё равно кольнуло изнутри.

— Понимаю, — произнёс он. — Значит, вопрос глупый.

Тиберий чуть улыбнулся краем рта.

— Что, приглянулась, да, — с усмешкой спросил он. — Не даёт покоя какая-то красавица с браслетом.

Корнэл чуть дёрнулся, больше от неожиданности.

— Я её даже толком не видел, — слишком быстро ответил он. — Просто... странный сон. Показалось, что... впрочем, забудьте. Глупости.

Он сам усмехнулся, пытаясь отмахнуться.

— Сны дело такое, — философски заметил Тиберий. — Иногда глупости, а иногда люди потом полжизни вспоминают. Но насчёт браслета, не видел я такой.

— Если вдруг услышите, — сказал Корнэл, уже отходя, — про кого-нибудь с похожим украшением, вспомните обо мне.

— Вспомню, — кивнул хозяин. — Хотя мне кажется, ваше сокровище вам скорее по дороге встретится, а не за моими столами.

Корнэл вернулся за свой стол, попытался сосредоточиться на похлёбке. Еда была горячей и сытной, но вкус почти не чувствовался. Мысли снова и снова возвращались к воде, к дымке и к браслету на чужой руке.

Он доел, поднялся.

Дела в Валчешти были сделаны. Контракт заверен, счета проверены, разговоры в корчме выслушаны. Поводов задерживаться не оставалось.

А вот один странный повод уехать как можно скорее появился. Неясное желание поскорее покинуть город и снова оказаться там, где шумит вода, и есть хоть слабая надежда ещё раз почувствовать, что-то похожее.

Корнэл расплатился за постой, поблагодарил Тиберия.

— Заезжайте ещё, господин Корнэл, — сказал тот. — Дороги длинные, а «Золотая Упряжь» всегда вам рада.

Во дворе конь уже был осёдлан. Утреннее солнце поднималось над крышами, подсвечивая пыль в воздухе. Город окончательно просыпался: открывались лавки, гудел рынок, по мосту уже тянулись первые повозки.

Корнэл вскочил в седло и оглядел Валчешти: мост, церковь, крыши домов, вывеску корчмы, строгий фасад управы.

Город жил обычной жизнью. Но для него день уже был другим. Внутри жила тень чьего-то смеха и невидимое лицо девушки с браслетом, которого он никогда не видел, и в то же время был уверен, что увидит.

Он тронул коня.

Дорога домой ждала его с делами, с вопросами отца, с привычной работой.

А во внутреннем кармане тихо лежал браслет, холодный и молчаливый.

И где-то далеко от Валчешти, в тени гор и леса, молодая женщина с пустым запястьем чувствовала, что вместе с этим холодным кругом потеряла нечто гораздо большее, чем украшение.

Глава 7. Добыча и пустота

Утро в лагере началось не с пения птиц, а с голоса Драгоша.

Он стоял у главного костра, когда солнце только поднялось над вершинами, и смотрел на собравшихся людей так, как смотрят не просто на отряд, а на семью, за которую отвечаешь.

— Лука, Марин, Флорин, — перечислял он, — вы со мной. Ещё четверо: Николае, старший Петр, Стефан и Гаврил.

Голос был спокойный, но в нём звучала та твёрдость, которую никто не путал с просьбой.

Мужчины по одному выходили из круга и становились ближе. На поясе у каждого были ножи, у кого-то короткие мечи, у кого-то топоры. За спинами луки, у двоих арбалеты. Одежда была практичной: плотные штаны, рубахи под кожаными жилетами, у некоторых старые, зала-танные кафтаны. Поверх плащи, которые в случае нужды скрывали оружие.

— Обоз с юга, — напомнил Драгош. — Торговцы из Клужа идут к столице. Ночевали в «Старой лиственнице», дальше поднимутся к развилке. Там и встретим.

Он опустил на корточки у костра и палкой начертил на земле схему: тракт, боковая дорога, небольшой перелесок, где можно спрятаться, глинистый спуск, на котором колёса идут медленнее.

— Лука и Марин здесь, — он поставил два крестика у перелеска. — Перекроете дорогу. Без лишнего шума.

— Пугать или убеждать, — уточнил Лука с ухмылкой.

— Сначала говорить, — отрезал Драгош. — Всегда сначала говорить.

Взгляд его стал особенно жёстким.

— Слушайте внимательно. Мы берём товар и монеты, но не жизни. Понятно.

— Понятно, — сдержанно ответил Гаврил.

— Кто вытаскивает меч первым, тот и виноват, — продолжил Драгош. — Если на нас идут с оружием, защищаемся. Если сдаются, не трогаем. Я не стану кормить землю трупами ради пары мешков зерна.

Лица людей посерьёзнили. Никто не спорил. За годы с ним все привыкли: Драгош не любил лишней крови и уже видел, что она делает с людьми.

— Флорин, Петр, Стефан, — он отметил палкой другое место, ближе к «хвосту» нарисованного обоза. — Встанете сзади. Смотрите, чтобы никто не сбежал в лес и не побежал звать стражу. Но без охоты за беглецами. Ушёл, и пусть идёт.

— А ты, — спросил Лука.

— Я буду там, где мне нужно быть, — коротко ответил Драгош. — Там, где окажется самый горячий угол.

Виорика стояла чуть позади, слушая каждое слово. На ней были охотничьи штаны, тёмная рубаха, жилет с ремешками, короткий плащ. На поясе нож в простых ножнах, за спиной длинный лук и колчан.

Она знала эту дорогу, знала, где удобнее спрятаться, где тракт вязнет после дождя. Сердце тянулось туда, где будет опасность и будет сам Драгош.

Когда мужчины начали расходиться для того, чтобы приготовиться, она шагнула вперёд.

— Отец, — позвала она.

Драгош поднял на неё глаза, и в них уже читалось: он знает, что она скажет.

— Возьми меня с собой, — прямо произнесла Виорика. — Я держу лук и меч не хуже других, дорогу знаю не хуже Марина.

— Нет, — ответ прозвучал быстро и твёрдо.

— Почему, — вспыхнула она. — Потому что я женщина. Или потому, что...

Она не договорила: «потому что ты боишься потерять меня так же, как и других».

— Потому что кто-то должен следить за порядком в лагере, — спокойно сказал он. — И потому что нам нужна охота. Мясо само в котёл не скачет.

Он перевёл взгляд куда-то за её плечо.

— Михай, — позвал Драгош.

Из-за хижины вышел высокий, широкоплечий мужчина с коротко остриженными тёмными волосами и серьёзными глазами. Лицо у него было немного суровым.

— Ты Михай, и Арсен поедете с Виорикой на охоту, — сказал Драгош.

Арсен, жилистый, быстрый, с рыжеватыми волосами и привычной полу улыбкой, уже натягивал ремень с ножнами.

— Кабана бы сегодня, — заметил он. — Или хотя бы пару ланей.

— Что найдёте, то и принесёте, — обрубил Драгош. — Но есть условие.

Он подошёл ближе к Михая, положил ему руку на плечо и негромко, но так, чтобы слышали все трое, сказал:

— Береги её. Не давай лезть первой туда, где опасно, ясно.

Михай кивнул, без лишних слов.

— Понял.

— Я не ребёнок, — вспыхнула Виорика.

— Именно, — ответил Драгош. — Детям объясняют, взрослым доверяют и требуют. Я доверяю тебе и требую: сделай то, что нужно.

Голос его чуть смягчился.

Она стиснула зубы, чтобы не показать, как эти слова, забота и запрет, сразу задели её.

Отряд Драгоша вскоре был готов. Лошади осёдланы, сумки подправлены, оружие проверено. Мужчины по одному выезжали на тропу, перекидываясь короткими репликами.

— Как вернёмся, пусть похлёбка будет горячей, — бросил Лука, усмехаясь.

— Если вернётесь с полными сумками, — ответила Мария, — я вам не только похлёбку, я вам пир устрою.

Драгош, уже в седле, в последний раз обвёл лагерь взглядом и на миг задержался на лице Виорики.

— Делай, что должна, — сказал он. — Мы сделаем своё.

Он развернул коня и первым ушёл в лес. Остальные потянулись следом.

Когда стук копыт растворился в шорохе деревьев, лагерь стал другим: тише, но не пустым. Женщины разошлись по делам, одни убирали после завтрака, другие чинили одежду. Дети всё так же бегали, но теперь осторожнее, прислушиваясь к той стороне, где скрылись мужчины.

Виорика, Михай и Арсен тоже вскоре поднялись в седла, но их путь вёл в другую сторону, к охотничьим угодьям.

— За перевалом лань держится, — сказал Михай. — И кабаны ходят ближе к заболоченной низине.

— Тогда сначала к ланям, — решил Арсен. — Кабаны зверь горячий, к ним лучше под вечер.

Тропа уходила вверх, в более светлый лес, где деревья стояли реже, а земля была мягкой. Пахло хвойной смолой и влажной землёй. Птицы переговаривались, вдалеке трещала сорока.

Виорика держалась вровень с мужчинами, лошадь под ней шла уверенно, обходя корни и камни. Но мысли её были не здесь.

Где ты сейчас.

Она представила холодный круг в чужих руках. Как кто-то вертит его, прищурившись. Как смотрит на камень и не знает, что эта вещь дороже ей, чем любая добыча.

От этой мысли внутри поднималась такая смесь злости и тоски, что хотелось либо кричать, либо ударить кулаком по ближайшему стволу.

— Земля к земле, мысли к небу, а глаза к тропе, — негромко сказал Михай, не оборачиваясь. — А то шея болеть будет.

Он чуть смягчил голос:

— С тобой всё в порядке. Обычно к охоте ты раньше всех готова.

— Всё в порядке, — коротко ответила она.

— Тогда пусть стрелы будут тише, чем мысли, — вставил Арсен. — Зверю твои думы не нужны, ему достаточно свиста.

Он попытался пошутить, но взгляд оставался внимательным.

Они спешили к небольшой поляне с молодыми деревьями. Земля ясно говорила сама за себя: свежие отпечатки лёгких копыт, обглоданные кусты, помёт.

— Лани были здесь недавно, — тихо заметил Михай. — Если ветер к нам, далеко не уйдут.

Они заняли позиции. Виорика поднялась чуть выше по склону, где между стволами открывался хороший обзор. Михай остался внизу у предполагаемой тропы, Арсен обошёл с другой стороны, чтобы при необходимости гнать стадо в их сторону.

Виорика спряталась за стволом, поставила ногу на корень для устойчивости. Лук лёг в руки так, словно вырос вместе с ней. Она достала стрелу, проверила оперение, положила её на тетиву.

Лес, казалось, стих. Только внизу треснул сухой сучок и вдалеке подала голос одинокая птица.

Она подняла лук, но мысли снова ушли к запястью.

Браслет всегда был с ней. Когда она впервые натянула лук, металл охлаждал кожу, но не мешал. Когда в детстве упала с дерева, ударилась боком, на руке остался синяк, а он остался на месте. Когда чужая кровь впервые попала ей на руки, она долго мыла и ладони, и браслет в ручье, пока серебро не перестало казаться темнее обычного.

Ты рос вместе со мной.

Иногда ей казалось, что он и правда менялся. В детстве был чуть свободен, потом сел плотнее, будто сам подстраивался под неё. Кожа под ним никогда не тёрлась.

Теперь же запястье казалось чужим, как если бы у лука вдруг забрали тетиву и сказали продолжать стрелять.

Шорох справа вырвал её из дум.

Между деревьями, осторожно ступая, показалась лань. За ней ещё две. Шерсть светло-коричневая, влажный широкий нос, настороженные глаза, уши всё время ловят каждый звук.

Виорика затаила дыхание. Руки сами нашли натяжение тетивы. Стрела легла ровно, она чуть наклонила голову, выравнивая линию прицела.

Обычно в этот миг внутри было чистое внимание, охотничья пустота без мыслей. Сейчас, как ни старалась, где-то глубоко всё равно пульсировало: где ты.

Лань остановилась, подняла голову, вдохнула воздух. В этот миг Виорика отпустила тетиву.

Стрела тихо свистнула, проскочила между ветвями и вошла в шкуру между лопаток. Зверь дёрнулся, сделал несколько скачков и рухнул. Остальные метнулись в сторону, мелькнули и исчезли в глубине леса.

— Чисто, — донёсся снизу голос Михая. — Быстро и без лишних мучений.
Одна из ланей ушла к Арсену, и вскоре оттуда раздался его радостный крик:
— Есть.

Охота продолжалась. К полудню у них было уже две лани и пара крупных зайцев. Михай шутиливо заметил, что лагерь ещё неделю будет вспоминать этот день с благодарностью.

Но в Виорике не было обычной охотничьей радости. Тело делало всё привычное, но внутри будто зияла дыра, через которую уходит тепло.

Где ты сейчас. В чьих руках.

Мысль обожгла так, будто это её саму кто-то держит за запястье.

— Ты сегодня тихая, как болотная вода, — заметил Арсен, когда они на минуту присели перевести дух, прежде чем разделывать добычу. — Обычно после лани у тебя глаза горят.

— Горят, — отозвалась она. — Только не сейчас.

Михай взглянул на неё, но промолчал. Сейчас он говорил на её языке: меньше слов, больше дела. Он просто работал рядом, принимая на себя тяжёлую часть, не отбирая у неё ни лука, ни ножа.

Когда солнце начало клониться к вершинам, добычу уже подняли на лошадей, закрепили верёвками и двинулись обратно.

Лес медленно темнел, тени становились длиннее. В воздухе появилась вечерняя прохлада, потянуло дымом, лагерь уже разжигал костёр.

— Смотри, Виорика, чтобы Михай мясо не съел, пока ты от костра до хижины дойдёшь, — попытался пошутить Арсен.

— Пусть попробует, — ответила она. — Я ему напомню, чья стрела первую лань взяла.

Когда они выехали на поляну, где прятался лагерь, там уже было шумно. Голоса, смех, звяканье металла.

Отряд Драгоша вернулся раньше.

У костра стояли мешки и тюки: свёртки с тканями, два бочонка, несколько мешков, набитых чем-то тяжёлым. Мужчины возбуждённо перебрасывались словами.

— Видел лицо этого толстяка, когда Лука залез к нему в телегу, — смеялся Флорин. — Думал, он сам туда спрячется.

— Хорошо, что не спрятался, — хмыкнул Лука. — Иначе пришлось бы тащить его вместе с бочками.

Драгош стоял рядом. На лице у него была усталая, но довольная тень улыбки.

— Обошлось без крови, — спросила Виорика, спрыгивая с лошади.

— Почти, — ответил он. — Один дурень решил, что меч лучший язык. Получил по руке и сразу поумнел. Живы все. И наши, и их.

Он кивнул на добычу:

— Купцу оставили телеги. Клялся, что больше без охраны не поедет. Я пожелал удачи и посоветовал меньше экономить на стражниках.

— Ты добрый, — усмехнулась она.

— Я практичный, — поправил он. — Мёртвые купцы не платят, а живые рассказывают страшные истории, от которых другие богачи становятся сговорчивее.

Драгош хотел добавить ещё что-то, но взгляд упал на ланей, которых Михай и Арсен уже снимали с седел.

— Неплохо, — отметил он. — Лагерь будет сыт.

— Это всё Виорика, — сказал Арсен. — Мы только не мешали.

Михай молча кивнул, подтверждая.

К костру уже подбежали дети, глаза их горели от увиденной добычи. Женщины переговаривались, решая, что пойдёт сегодня в котёл, что солить, что сушить.

В лагерь вернулась жизнь: шумная, горячая, довольная. Мужчины пересказывали друг другу детали засады, преувеличивая опасность. Арсен уже наполовину выдумал легенду о том, как одна лань «чуть не сбила» его с ног. Лука примерял один из трофейных плащей, словно был господином.

Только Виорика не подхватила общую радость.

— Раз уж ты не взял меня с собой, — сказала она Драгошу, — считай, что я сделала свою часть.

— Ты сделала больше, чем свою, — серьёзно ответил он. — Все будут сыты и сегодня, и завтра.

Она кивнула, но в глазах не появилось привычной искры.

— Я устала, — коротко сказала она. — Пойду.

Он хотел было её остановить, но слова застряли. В его взгляде на миг мелькнула та самая тень, которую он прятал от других: память, страх, вина.

— Иди, — только и сказал Драгош.

Виорика прошла через шумящий лагерь почти не слыша шума. Вокруг мелькали знакомые лица, радостные после удачного дня. Кто-то звал её к костру, кто-то хотел рассказать, как именно они напугали купца.

Она лишь кивала на ходу.

В хижине было полутёмно и тихо. Запах дыма снаружи сюда доходил уже мягким шлейфом.

Виорика вошла, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Лагерь радовался: добыча, удача, жизнь. А у неё на руке по-прежнему было пусто.

Где ты?

Ответом был только стук её собственного сердца и далёкий гул лагеря.

Она медленно дошла до своей кровати и села на край, наконец позволяя себе выпустить тот тяжёлый горячий ком, который весь день давил изнутри.

За стеной слышались смех, рассказы, чьи-то похвалы. Лагерь жил, как и должен. А внутри у неё было так, будто в этот день вернулся только половинчатый мир.

Глава 8. Возвращение домой

Дорога домой тянулась мягкой лентой между холмами и лесами. Солнце стояло уже выше, день шёл к середине, но в душе у Корнэла было ощущение, будто утро так и не закончилось.

Чем ближе он подъезжал к привычным местам, тем сильнее чувствовал странное, почти детское желание сделать крюк. Небольшой, вроде бы бессмысленный, но такой, о котором мысли раз за разом возвращались.

Когда впереди мелькнул поворот, где тропа уходила к горам, он уже знал, что сделает.

— Потерпишь ещё немного, брат, — тихо сказал он жеребцу, теребя гриву. — Сначала водопад, потом дом.

Корнэл снова свернул с главной дороги в сторону водопада.

Тропа была та же, что и в прошлый раз: знакомые корни и камни, запах хвои, нарастающий шум воды. Лес встретил его прохладой и тенью, будто за день ничего не изменилось.

Но изменился он.

Когда деревья расступились и открыли поляну у воды, всё выглядело так же: белая струя водопада, стеклянная гладь омута, блеск брызг, тёмные камни по берегам. Птицы, шум листвы, запах мокрого камня, всё было на своих местах.

Только внутри у него всё будто стало шире.

Он спешился, привязал коня в тени и несколько мгновений просто стоял, глядя на воду.

Зачем я вернулся.

Ответ был прост и упрям: проверить. Убедиться, что он действительно ничего не упустил. Что браслет появился в его жизни не просто так, а потому, что должен был.

Он подошёл к камням, к тому месту, где впервые увидел блеск между галькой.

Вода стекала между камней, солнце играло в брызгах. Юноша присел, провёл ладонью по влажной поверхности, заглянул в щель. Пальцы нащупали только холодную гальку и мелкие камешки.

Никакого нового блеска. Никаких следов того, что здесь недавно кто-то был.

Корнэл выпрямился и огляделся. Ни следов костра, ни отпечатков ног, которые можно было бы назвать свежими. Лес хранил свои тайны.

— Похоже, это было только, между нами, — тихо сказал он, сам не зная, обращается ли к месту, к воде или к невидимой хозяйке браслета.

Нагнувшись к реке, зачерпнул ладонями воду. Холод обжёг руки и лицо, но в этом чувстве была ясность. С него смывались дорожная пыль и остатки городского шума, но не мысли.

Он ещё немного посидел на камне, слушая водопад. В груди жило странное ощущение: смесь лёгкой тоски и ожидания, будто одно маленькое звено в цепи уже сложилось, а следующие, где-то рядом, но пока скрыты.

Ничего нового водопад не показал. Никаких следов.

— Ладно, — выдохнул Корнэл, поднимаясь. — Если судьба решила, что одного браслета достаточно, спорить не буду.

Он вернулся к коню, вскочил в седло. Вода осталась позади, как холодный, но светлый сон. Впереди лежала дорога домой.

Поместье Кондреану встретило его привычным видом. Широкий дом из светлого камня с тёмной черепичной крышей, просторный двор, конюшни и амбары, фруктовый сад за домом. Над всем этим лежало спокойное ощущение стабильности, здесь не любили резких перемен.

Во дворе сновали люди: конюхи, слуги, дворовые мальчишки с корзинами. При виде всадника из ворот конюшни вышел старший конюх. Чуть позже на крыльце показались двое, мужчина и женщина.

Отец, Николае Кондреану, стоял, заложив руки за спину. Высокий, крепкий, с чуть поседевшими волосами и серьёзным взглядом. На нём был простой, но добротный тёмный кафтан, без лишних украшений, всё в нём говорило как о человеке, привыкшем не выставлять богатство на показ.

Рядом мать, Каталина, стройная, с изящной осанкой, тёмными волосами, убранными в аккуратный узел. На ней светлое платье, поверх жилет с тонкой вышивкой. В её глазах жила мягкость, но и внимательность, которая мало что пропускала.

— Ну вот и наш путешественник, — сказала она, едва он подъехал ближе.

Корнэл спрыгнул с коня и отдал повод конюху.

— Здравствуй, отец. Здравствуй, мама, — он шагнул к ним и по очереди обнял обоих.

Объятие отца было твёрдым и коротким, как у человека, который не любит длинных сцен, но рад. Объятие матери тёплым и мягким.

— Как дорога, — спросил Николае, уже сворачивая к дверям. — Как Валчешти?

— Стоит на месте, — усмехнулся Корнэл. — Река течёт, мост цел, купцы живут, жалуются на налоги и стражу.

Они вошли в дом.

Внутри поместье было уютным и с достатком. Широкий холл, деревянная лестница на второй этаж, на стенах гобелены и несколько старых карт. В воздухе стоял запах дерева, воска и хлеба с кухни.

Столовая была просторной, с большим столом из тёмного дерева. На нём уже стояли блюда: свежий хлеб, сыр, тушёное мясо, овощи. Слуги тихо двигались, расставляя тарелки и наливая вино и воду.

За столом сначала говорили о делах.

Корнэл рассказал отцу о визите к нотариусу, о контракте с купцом из Клуза, о проверке счетов амбаров, о том, как Флорин пытался оправдаться, и какие «ошибки» обнаружились в книгах.

Николае слушал внимательно, иногда задавал короткие уточняющие вопросы.

— Значит, не вор, а глупец, — наконец подвёл он. — Думал, что можно раздать чужое и потом незаметно вернуть.

— Похоже на то, — согласился Корнэл. — Но глупость, которая бьёт по нашему карману, ничем не лучше воровства.

— Будем думать, — кивнул Николае. — Лучше неприятная правда, чем сладкая ложь.

О разбойниках он тоже упомянул, но сухо:

— В городе шепчутся, что в лесах у гор появилась новая шайка.

— В лесах всегда кто-то есть, — отмахнулся отец. — Пока не лезут в наши обозы и не грабят амбары, это забота воеводы.

Каталина, сидя рядом, смотрела на сына чуть внимательнее, чем обычно. Он шутил и говорил уверенно, но в паузах взгляд его иногда уходил к окну, туда, где уже сгустились сумерки.

После ужина Николае поднялся, вытер руки салфеткой.

— Я к себе, — сказал он. — Очень много бумаг надо просмотреть.

Его кабинет был на первом этаже, чуть в стороне от общего зала. Там всегда пахло бумагой, воском и чернилами. На полках книги, в шкафу тубусы с договорами, на столе аккуратные стопки писем. Слуги между собой называли это место «логовом господина».

Когда дверь за ним закрылась, в столовой стало тише. Слуги начали убирать со стола, двигаясь без лишнего шума.

Каталина перевела взгляд на сына.

— Ты приехал, — мягко сказала она. — Сделал всё, что должен был, рассказал нам о делах...

Она чуть наклонила голову.

— А сам всё равно будто не здесь. Мысли твои, где-то далеко, Корнэл.

Он попытался улыбнуться.

— Дорога длинная, голова всё ещё забита делами, — отшутился юноша.

Но мать не отвела взгляда.

— Я тебя знаю, — тихо сказала она. — С детства помню, какой ты, когда просто устал, и какой, когда тебя что-то тревожит. Сейчас второе.

Она ненадолго замолчала, давая ему возможность промолчать. Но он сам почувствовал, что не хочет оставаться с этим один на один.

— Ладно, — выдохнул он. — Это не про зерно и не про купцов.

— Тогда пойдём, — предложила она. — Здесь слишком много ушей. В твоей комнате поговорим наедине.

Они поднялись по лестнице на второй этаж.

Коридор освещали свечи в кованых держателях. На стенах висели карты местных земель и дальних стран, старые гравюры. Вдалеке мелькнула фигура слуги, который нес аккуратно сложенное бельё.

Комната Корнэла находилась в угловой части дома, с окнами на двор и сад.

Внутри было по-мужски аккуратно. Большая кровать с резным изголовьем, накрытая добротным покрывалом. Тяжёлый письменный стол у окна, заваленный книгами, бумагами и парой перьев. Шкаф, сундук, два стула. На стене старые, но ухоженные мечи и щит с родовым гербом.

В углу, на комодике стояла шкатулка из тёмного дерева с металлическими накладками, его личная.

Каталина села на стул, Корнэл остался стоять, опираясь рукой о спинку другого стула.

— Говори, — спокойно сказала она. — Только не про то, что «ничего важного». Я все вижу и понимаю.

Корнэл улыбнулся краешком губ.

— По дороге туда я заехал в одно место, — начал он. — К водопаду, недалеко от дороги на Валчешти. Ты его помнишь, я с детства туда убегал.

— Помню, — кивнула она. — Ты всегда возвращался оттуда другим, чуть тише, но как будто светлее.

Он тоже кивнул.

— В этот раз я нашёл там кое-что, — сказал юноша.

Он подошёл к стулу, где лежал жилет, взял его, сунул руку во внутренний карман и вынул завернутую в ткань вещь. Развернув, взял в руку.

На ладони лежал браслет. Серебро было тёмным, тяжёлым, камень в полумраке казался почти чёрным, но в глубине всё равно таился глухой красный оттенок.

Каталина невольно наклонилась вперёд. Взгляд её задержался.

— Красивый, — тихо сказала она. — И не простой.

— Лежал прямо в воде между камней, — сказал Корнэл. — Будто кто-то только что уронил. Ни следов, ничего.

Он повернул браслет, чтобы лучше было видно рисунок.

— Я подумал, что его потеряла женщина, — признался он. — Не знаю почему. Просто он не похож на то, что носил бы мужчина.

— Женщина, которая купается у водопада и теряет дорогой браслет, — мягко заметила мать. — Уже звучит не совсем обычно.

— Я забрал его, — продолжил он. — Думал, или найду хозяйку, или хотя бы уберу с виду от тех, кто решил бы продать его первому встречному.

Юноша помолчал, опустив взгляд.

— А ночью мне приснился сон.

Каталина не перебивала.

— Я был там же, у водопада, день яркий, чистый. Я сидел на камне и вдруг увидел над водой дымку. А в ней девушку.

Слова шли сами.

— Она стояла по щиколотку в воде. Платье, волосы, всё было ясно, кроме лица. Дымка не давала его увидеть. Она смеялась так, будто была там дома. Потом подняла левую руку.

Он посмотрел на Каталину.

— На запястье у неё был этот браслет. И камень в нём горел. Прямо как живой.

— Она позвала меня жестом, — тише продолжил Корнэл. — И как только я сделал шаг, всё исчезло. Я проснулся.

Каталина слушала, не отводя глаз.

— И с тех пор ты ходишь с видом человека, которого оставили на полпути, — проговорила она.

Он криво улыбнулся.

— Похоже, так. Я не знаю, что с этим делать. Выкинуть рука не поднимается. Держать при себе странно. Возвращать некому.

Он снова взглянул на браслет.

— И сон слишком живой, — добавил юноша. — Не похож на те, когда очень устаешь и сниться всякая ерунда.

На какое-то время наступила тишина.

Каталина протянула руку.

— Можно.

Он вложил браслет ей в ладонь.

Она подержала его, словно примеряя вес и холод. Пальцы осторожно провели по металлу, как по вещи, в которой есть не только цена, но и смысл.

— Я верю в провидение, — сказала она. — И в то, что некоторые вещи приходят к нам не просто так.

Она подняла глаза на сына.

— Если этот браслет оказался у тебя, значит, у этого есть причина. Может быть, ты должен найти его хозяйку. Может быть, он должен привести тебя куда-то, куда иначе ты бы не пошёл.

— А если это просто случайность? — тихо спросил Корнэл.

— Случайность или нет, — мягко ответила она, — ты уже о нём думаешь. И о ней тоже. И от того, что ты назовёшь это случайностью, легче не станет.

Она вернула браслет.

— Не мучай себя вопросами, на которые пока нет ответов, — сказала Каталина. — Живи, как жил. Делай своё дело. Если тебе суждено найти хозяйку этого браслета, ты её найдёшь, даже если поедешь совсем в другую сторону.

Она слегка коснулась его руки.

— А если нет, он останется просто красивой вещью в твоей шкатулке. Но не разрывай себе сердце надвое из-за того, чего ещё нет.

Корнэл тихо вздохнул.

— Ты всегда находишь нужные слова, — сказал он. — Спасибо.

— Это не слова, — мягко ответила она. — Это годы и жизненный опыт.

Она поднялась.

— Положи его туда, где тебе будет спокойнее, — кивнув на шкатулку. — И ложись спать. Завтра у тебя будет обычный день. А необычное, если захочет, само найдёт дорогу.

Она поцеловала его в лоб, как в детстве.

— Спокойной ночи, сын.

— Спокойной ночи, матушка.

Когда дверь за ней закрылась, в комнате стало особенно тихо. За окном слышался только далёкий лай собаки да редкий голос во дворе.

Корнэл остался один, с браслетом в руке.

Он подошёл к шкатулке и открыл её. Внутри лежали несколько вещей: старый перстень, не по размеру, пара монет из чужих земель, маленький деревянный амулет из детства.

Теперь к ним добавился браслет.

Он положил его на бархатную подкладку, на мгновение задержал руку, словно проверяя, всё ли на месте, и опустил крышку. Замок мягко щёлкнул.

Комната погрузилась в полумрак. Раздевшись, Корнэл погасил свечу и лёг в постель.

А в темноте шкатулки холодный круг серебра лежал, тихо ожидая своего часа.

Глава 9. Зов водопада

Лагерь шумел, как ярмарка. У главного костра вспыхивали искры, смех перекачивался через поляну, запах жареного мяса смешивался с дымом и вином. Мужчины наперебой рассказывали, кто как прыгал к телегам, как купец бледнел, как одна из ланей «чуть не увернулась» от стрелы.

Кто-то уже пустился в пляс под хрипловатый напев Димитру, дети светились счастьем от рассказов.

Виорика, проскользнув мимо костра, почти не слышала этого веселья. Гул радости отскакивал от неё, как вода от камня.

В хижине она быстро взяла чистую рубаху и смену белья, прижала к груди и вышла к краю лагеря, туда, где бежал ручей.

Ручей был неглубокий, но чистый и быстрый. Вода брала начало высоко в горах, среди камней и мха, а у лагеря превращалась в светлую ленту, пробегающую между камнями и корнями. С одного берега поднимался склон к лесу, с другого к воде подступала плотная стенка кустарника.

У Виорики было своё место, чуть в стороне, за разросшимися кустами, где ветви прятали её от чужих взглядов. Туда вели едва заметные следы её собственных ног.

Она присела у воды, положила одежду на камень, зачерпнула ладонями воду. Холод обжёг кожу, смывая не только пыль, но и часть тяжёлых мыслей. Она умыла лицо, шею, руки, потом переделалась, чувствуя, как чистая ткань приятнее ложится на кожу.

Сколько она себя помнила, вода всегда её успокаивала. Но сегодня спокойствие казалось хрупким.

Она села на берегу, поджав ноги и обхватив колени руками. Луна ещё не поднялась высоко, небо над вершинами только начинало темнеть, а в воде уже протягивалась узкая серебряная дорожка.

Мысли снова и снова возвращались к одному и тому же кругу металла, которого не было на её руке.

Мне нужно съездить туда ещё раз.

Эта мысль приходила весь день, то отступая, то возвращаясь с новой силой. Она убеждала себя, что уже проверила всё, что Марин был рядом, что второй выезд ничего не изменит.

Но чем дольше сидела у воды, тем яснее понимала: пока она сама, одна, не вернётся к водопаду, покоя не будет.

Без Марина. Без разрешения.

Решение пришло внезапно, и вместе с ним в груди ощутимо ослаб тугой внутренний узел.

Поездка сама по себе не была чем-то новым. Она уже не раз уезжала из лагеря тихо, когда хотела побыть одна. Знала, где стоят часовые, где тропа уходит в лес так, что их не видно. Для чужих лагерь был крепостью, для неё родным домом со всеми лазейками.

Она ещё немного посидела у ручья, пока кожа не обсохла, а мысли не выстроились в чёткий план: ночью, до рассвета.

Вернувшись в хижину, Виорика неторопливо, почти машинально приготовила всё к поездке. Проверила колчан, добавила несколько стрел, небольшой нож, запасную рубаху. Лук прислонила к стене поближе к двери.

Потом легла.

Сон пришёл на удивление быстро. Тело устало от охоты, голова от мыслей, а принятый план словно поставил точку на сегодняшнем дне. Впервые за последние дни внутри не было рваной тревоги, была только одна, ясная цель.

Когда она открыла глаза, в хижине стоял предрассветный сумрак. Ночь уже не была настоящей ночью, но до первого луча ещё оставалось время.

Она по привычке вслушалась.

Лагерь спал. Где-то вдали храпнул кто-то из мужчин, лошади переступили в стойле, ручей за стеной шуршал ровнее, чем днём. Снаружи лежала густая тишина с редкими ночными звуками.

Она поднялась и быстро оделась: тёмные штаны, рубаха, жилет, мягкие сапоги. Волосы туго заплела в одну косу. Лук за спину, сумку через грудь.

Драгош спал крепко.

Выйдя из хижины, Виорика увидела над лагерем лёгкий туман, привычный для этих мест. Он стелился по земле, цеплялся за ноги, обнимал низкие кусты, делая силуэты хижин мягкими и расплывчатыми.

Это было ей только на руку.

Часовой стоял на обычном месте у тропы, ведущей к основной дороге. Его фигура вырисовывалась на фоне чуть более светлого неба. Он кутался в плащ и иногда переступал с ноги на ногу.

Но Виорика знала ещё один путь.

Она пошла по краю, вдоль ручья, где кусты подступали ближе к воде. Там никому не приходило в голову ставить пост, слишком сыро и неудобно.

Туман скрывал её силуэт, земля под ногами была мягкой и почти не шуршала.

У стойл лошади дремали, тихо фыркая. Умбра узнала её раньше, чем она подошла. Тихое движение головы, тёплое дыхание навстречу.

— Тише, девочка, — шепнула Виорика, глядя её по морде. — Только ты и я. Как раньше.

Она оседлала её быстро, но аккуратно, стараясь не звякнуть лишний раз пряжками. Проверила ремни, подтянула подпругу, повесила лук.

Вывела Умбру из стойла в сторону леса, минуя открытую тропу. Через несколько мгновений их фигуры растворились в тумане.

Когда они вышли на более широкую лесную тропу, откуда часовой уже не мог их заметить, Виорика вскочила в седло.

— Ну что, Умбра, — выдохнула она, чувствуя, как сердце бьётся чаще. — Нас ждёт наш водопад.

Кобыла, словно разделяя её решимость, охотно пошла вперёд. Лес ещё дремал, туман висел между стволами, ветви шептали что-то своим ночным голосом.

В груди у Виорики жило почти болезненное волнение. Не страх, а другая сила. Словно её тянуло туда не только желание вернуть потерянное, но и какой-то неведомый зов, которому она не могла найти объяснения.

Подожди меня.

Она и сама не знала, кому были адресованы эти слова.

У водопада они оказались, когда мир только начинал просыпаться.

Туман стелился над водой, цеплялся за камни, делал струи мягче, чем днём. Шум падения был приглушённым, словно сама вода ещё не до конца вышла из сна. Птицы в кронах отзывались редко.

Солнце ещё не поднялось, но серый ровный свет уже лёг на камни и воду.

Виорика спешила у кромки леса, привязала Умбру к знакомому дереву, не к тому же, что в прошлый раз, а чуть дальше. Теперь она смотрела на каждую деталь внимательнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.